Отдел деликатных расследований

Автор:
Александр МакКолл Смит

Отдел деликатных расследований

Александр МакКолл Смит

Детектив Варг #1Хюгге-детектив

В шведской системе уголовного права находится место даже самым сложным и странным делам, за которые в полиции Мальмё отвечает элитное подразделение, известное как Отдел деликатных расследований: Ульф «Волк» Варг, внимательный и вдумчивый лидер, Анна Бенгсдоттер, влюбленная в машину Варга (не исключено, что и в самого Варга тоже), Карл Хольгерссон, который больше всего на свете любит заполнять бумаги, и Эрик Нюквист, всей душой преданный искусству рыболовства.

Ульф берется за самые необычные преступления, требующие такта и хорошего знания человеческой натуры, попутно пытаясь распутать клубок собственных романтических чувств и помочь своему псу, единственной во всей Швеции собаке, которая научилась читать по губам, справиться с депрессией.

Александр МакКолл Смит

Отдел деликатных расследований

Эта книга посвящается Бобу Мак-Криди

Alexander McCall Smith

DEPARTMENT OF SENSITIVE CRIMES

© Alexander McCall Smith, 2019 All rights reserved.

© Ильина Е., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

Свободные ассоциации по стандартным расценкам

– Сёрен, – сказал доктор Свенссон серьезно, хотя в его глазах позади очков в роговой оправе и таилась улыбка. Он ждал. Его короткий вопрос предполагал некий ответ – немного терпения, и узнаешь, какой именно.

Ульф Варг, уроженец города Мальмё, что в Швеции, сын Туре и Лив Варгов, весьма недолго женат, а ныне снова холостяк, тридцати восьми лет, каковое обстоятельство наводило его на мысли о том, что он называл про себя «приближающийся водораздел» – «Как думаешь, Ульф, – спросил как-то его приятель Ларс. – Куда человек отправляется после сорока?», – этот самый Ульф Варг поднял глаза к потолку, когда его психотерапевт произнес: «Сёрен». А потом, почти не задумываясь, переспросил:

– Сёрен?

Психотерапевт – добрый доктор Свенссон, как часто отзывались о нем клиенты, – покачал головой. Он знал, что психотерапевт не должен качать головой, и он старался делать это как можно реже, но все же это случалось – одно из тех движений, которые мы делаем машинально, не задумываясь: барабаним

пальцами, поднимаем брови, закидываем ногу на ногу. Большинство этих действий не несут никакого значения – побочные продукты существования, – но когда качаешь головой, это подразумевает осуждение. А добрый доктор Свенссон просто не мог никого осуждать. Он понимал, а это несколько другое.

Однако сейчас он именно осуждал и даже покачал головой, не успев напомнить себе насчет осуждения – и связанных с ним жестов.

– Это был вопрос – или ответ? – спросил он. – Потому что переспрашивать не нужно, понимаете? В этом весь смысл свободных ассоциаций, господин Варг: вытащить на поверхность – вплоть до внешней экспрессии – те вещи, которые таятся в глубине подсознания.

Вытащить на поверхность то, что таится в глубине… Ульфу понравились эти слова. Именно это, подумал он, я и делаю всякий раз, как прихожу на работу. Каждое утро я встаю с тем, чтобы вытащить на поверхность то, что таится в глубине. Будь у меня девиз, полагаю, он был бы примерно таким. Звучит гораздо лучше, чем фраза, навязанная Штабом его отделу. Мы служим обществу. Как это скучно, как банально – как и все, что исходит из Штаба. Все эти серенькие дамы и господа с их постоянными разговорами о поставленных задачах и сугубой деликатности – да, в общем-то, обо всем, кроме того единственного, что имело значение: искать и находить тех, кто нарушает закон.

– Господин Варг?

Взгляд Ульфа, блуждая, спустился с потолка на пол. Теперь он разглядывал ковер – и ботинки доктора Свенссона коричневой замши. Это были броги, с затейливым узором из дырочек, которые, как кто-то когда-то ему объяснил, нужны для того, чтобы обувь дышала, а не только ради английского «лука». Дорогие, наверное, подумал он. Когда он впервые увидел эти ботинки, то решил, что они из Англии, такой уж у них был вид; хороший следователь в первую очередь замечает подобные вещи. Итальянские ботинки уже и выглядят элегантнее, наверное потому, что у итальянцев более узкие, элегантные ступни, чем у англичан; голландцы же, размышлял Ульф, – люди высокие, с широкой костью. Крупные люди, что, в некотором смысле, было странно, поскольку Голландия – такая маленькая страна… И подвержена наводнениям, как он вычитал в одной книжке, когда был еще ребенком – там еще была история про маленького голландского мальчика, который заткнул пальцем дыру в плотине…

– Мистер Варг? – В голосе доктора Свенссона слышалось легкое нетерпение. Для пациентов было вполне нормально погружаться в размышления, но предполагалось, что они будут выражать свои мысли, а не думать просто так.

– Прошу прощения, доктор Свенссон. Я задумался.

– О! – сказал психолог. – Это именно то, чем вы и должны тут заниматься, знаете ли. Мыслительный процесс предваряет вербализацию, а вербализация предваряет принятие решения. Я, конечно, всецело это одобряю, но мы с вами здесь для того, чтобы выяснить, о чем вы думаете, когда вы не думаете. Другими словами, мы пытаемся понять, что происходит у вас в подсознании. Потому что именно за этим…

Ульф кивнул.

– Да, знаю. Я понимаю. Я просто сказал: «Сёрен», потому что не совсем понял, что вы имеете в виду. Хотелось удостовериться.

– Я имел в виду «Сёрен». Имя. Сёрен.

Ульф задумался. Имя «Сёрен» не значило для него ничего. Скажи доктор Свенссон «Харальд» или «Пер», он ответил бы «хамло» или «зубы», потому что именно это пришло бы ему в голову. Так звали двух мальчишек у него в классе, так что, скажи доктор Свенссон «Харальд», он, наверное, ответил бы «хамло», потому что хамлом Харальд и был. А услышав «Пер», Ульф ответил бы «зубы»: у Пера была щель между передними зубами, потому что его родители были бедны и не могли позволить себе услуги ортодонта.

И тут, довольно внезапно, до него дошло, и он сказал:

– Кьеркегор.

Это явно пришлось доктору Свенссону по душе.

– Кьеркегор? – переспросил он.

– Да. Сёрен Кьеркегор.

Доктор Свенссон улыбнулся. Консультация близилась к концу, а ему нравилось завершать сеанс на глубокомысленной ноте.

– Если не возражаете, можно спросить: почему Кьеркегор? Вы его читали?

Ульф ответил утвердительно.

– Надо же, – сказал доктор Свенссон. – Кто бы мог подумать, что… – тут он осекся.

Ульф выжидательно смотрел на него.

Доктор Свенссон тщетно попытался скрыть, насколько он смущен.

– Я не имел в виду… понимаете ли, я не хотел, чтобы это прозвучало вот так.

– Может, это ваше подсознание? – мягко спросил Ульф. – Оно заговорило.

Психотерапевт улыбнулся:

– Я собирался сказать – но вовремя остановился, – что никак не ожидал, что полицейский станет читать Кьеркегора. Это необычно, не правда ли?

– Вообще-то, я – следователь.

Доктор Свенссон опять смутился:

– Да, конечно!

– Хотя следователи, в сущности, – те же полицейские.

Доктор Свенссон кивнул:

– Как и судьи, и чиновники, и политики тоже, я полагаю. Все, кто указывает нам, как поступать, – в сущности, полицейские.

– Но не психотерапевты.

Доктор Свенссон рассмеялся.

– Психотерапевт не должен указывать вам, как поступать. Психотерапевт должен помочь вам понять, почему вы поступаете так, а не иначе, и дать возможность прекратить это делать – если вы этого захотите. Так что да, психотерапевт точно не полицейский. – Он немного помолчал. – Но почему Кьеркегор? Что именно вам нравится в Кьеркегоре?

– Я не сказал, что он мне нравится. Я сказал, что я его читал.

Доктор Свенссон снова глянул на часы:

– Думаю, придется нам на этом остановиться, – сказал он. – Мы с вами сегодня неплохо продвинулись.

Ульф встал.

– И что теперь? – спросил доктор Свенссон.

– Что – что теперь?

– Просто стало интересно – что вы будете делать дальше. Понимаете, клиенты приходят ко мне, в этот кабинет, говорят о чем-то – или, скорее, мы говорим, – а потом они уходят обратно в мир и продолжают жить своей жизнью. А я остаюсь здесь и думаю – не всегда, но иногда – я думаю: «Что они будут делать там, вовне? Поедут обратно домой, сядут и будут сидеть? Или на работу, перекладывать бумажки с одного конца стола на другой? А может, уставятся в экран и будут глядеть, пока не настанет пора ехать домой, к детям, которые тоже сидят, уставившись в экран? Поэтому они делают то, что делают? Поэтому вертятся, как могут?»

Ульф замялся:

– Непростые у вас вопросы. Очень непростые. Но, раз уж вы спросили, могу сказать, что я собираюсь обратно на работу. Сяду за стол и буду писать рапорт по делу, которое мы только что закрыли.

– Вы закрываете дела, – пробормотал себе под нос доктор Свенссон. – Мои же остаются открытыми. Они по большей части неразрешимы.

– Да, закрываем. На нас вечно давят, чтобы мы закрывали дела.

Доктор Свенссон вздохнул.

– Везет вам. – Он подошел к окну. Смотрю вот в окно, подумал он. Пациенты уходят заниматься важными вещами, например – закрывать дела, а я – смотрю в окно. Потом сказал: – Вы, наверное, не можете мне рассказать, что это было за дело.

– Имен называть я не имею права, равно как и касаться деталей, – ответил Ульф. – Но могу сказать, что нападение носило крайне необычный характер.

Доктор Свенссон, повернувшись, посмотрел на своего клиента.

– Удар был нанесен ножом под колено, – сказал Ульф.

– Как любопытно. Под колено?

– Да, – ответил Ульф. – Но я и в самом деле не могу больше ничего сказать.

– Как странно.

Ульф нахмурился:

– Что я не могу больше ничего сказать? Это странно?

– Нет – что кто-то ударил кого-то ножом в такое место. Конечно, выбор цели никогда не случаен. Мы раним то, что любим, то, чего мы желаем, – так же часто, как и то, что ненавидим. Но это странно, верно? Под колено.

Ульф направился к двери.

– Вы бы очень удивились, доктор Свенссон, узнав, как странно порою ведут себя люди. Да, даже при вашей профессии, когда пациенты изо дня в день рассказывают вам свои самые страшные тайны. Вы все равно бы удивились.

– Вы полагаете?

– Да, – ответил Ульф. – Побудь вы на моем месте хотя бы несколько дней, у вас бы челюсть отпала. И не один раз.

Доктор Свенссон улыбнулся:

– Надо же.

Его улыбка потускнела. Челюсть. Он вспомнил, что Фрейд умер от рака челюсти. В Лондоне, один, в окружении выжидающих стервятников, светоч разума погас, оставив нас один на один с тьмой и созданиями, которые ее населяют.

Глава 2

Крайне низкое преступление

Учреждение, где работал Ульф, находилось в здании с островерхой крышей, в Гамла Стаден, старом районе города Мальмё. Туристы, во множестве бродившие вокруг, и понятия не имели, что за этой ничем не примечательной дверью, выходившей на извилистую улочку на полпути к Художественному музею Мальмё, скрывается Отдел деликатных расследований Следственного управления города Мальмё. Посиди они некоторое время в кафе, что располагалось напротив входа, они бы заметили – умей они наблюдать, – что это на удивление оживленное учреждение, судя по количеству людей, которые заходили в эту незаметную дверь или выходили из нее. Задержись они немного подольше, то увидели бы, что многие их этих самых людей пересекают улицу и заходят в это самое кафе, где ведут между собой разговоры приглушенным тоном, словно бы обсуждая материи, которые в публичных местах обсуждать не

полагается.

Стол Ульфа стоял в кабинете номер пять, который он делил с еще тремя коллегами: следователями Анной Бенгсдоттер и Карлом Холльгерссоном и делопроизводителем Эриком Никвистом. Анна и Карл были с Ульфом примерно одного возраста, хотя Карл и был на пару лет постарше. Но Эрику было уже хорошо за пятьдесят, и он поговаривал о пенсии. Его карьеру трудно было назвать головокружительной: после тридцати восьми лет в Отделе он прошел путь от письмоводителя до делопроизводителя – всего три ступени по лестнице, насчитывающей семнадцать отдельных должностей. Его, однако, это не особенно беспокоило: его страстью была рыбалка, и необходимость зарабатывать на жизнь была не более чем легкой помехой в великой битве между рыбой и человеком, битве, которая занимала практически все его мысли. Жизнь на пенсии будет блаженством, истово верил он, поскольку его жене достался в наследство домик на одном из островов Стокгольмского архипелага: до моря рукой подать. Пенсия у него будет достаточно щедрой, а расходов у них в этом местечке будет немного. При домике имелся небольшой участок земли – достаточно, чтобы выращивать овощи к собственному столу, – и пять дней в неделю они будут есть рыбу, в точности как сейчас.

– Лучше ничего себе и представить нельзя, – сказал он как-то Ульфу.

И Ульф ответил, что он тоже не может вообразить себе более идеального существования, чем то, которое будет вести на пенсии Эрик.

Анна Бенгсдоттер, которая сидела напротив Ульфа, была уроженкой Стокгольма; ее отцу принадлежал небольшой бродячий цирк. Цирк был в семье вот уже три поколения, и ей пришлось выдержать в свое время немалое давление: ее убеждали присоединиться к нескольким ее кузенам, которые выступали с популярнейшим конно-музыкальным номером. Она отказалась и настояла вместо этого на том, чтобы пройти в колледже курс по управлению кадрами. Это привело ее к работе в полиции, в отделе кадров, откуда она перевелась, благодаря собственной настойчивости и целеустремленности, в Следственное управление. Анна была замужем за анестезиологом Джо Далманом – тихим человеком, чьей главной страстью в жизни была филателия. У нее были две дочки, близнецы, которые увлекались плаванием и уже успели заслужить некоторую известность в спортивных кругах города Мальмё.

Что Анна, что Ульф относились к работе самым добросовестным образом, но они всегда готовы были признать, что настоящей рабочей лошадкой команды был Карл. Он приходил раньше всех и уходил позже всех, несмотря на то что недавно женился. И это Карл всегда с охотой – и без малейшей жалобы – брал на себя дополнительные смены, когда нужно было подменить заболевшего коллегу: в отделе не хватало людей, и это сказывалось на всех. Это Карл всегда вызывался добровольцем на особенно нудные или особенно неприятные задания.

– Если не я, значит, это придется делать кому-то еще. Вряд ли ему – или ей – это понравится больше, чем мне, так что с тем же успехом этим могу заняться и я, как вам кажется?

Ульфу казалось, что был в этой логике какой-то изъян, если, конечно, не считать альтруизм краеугольным камнем личной вселенной. А у большинства людей, подумал Ульф, дела обстоят совсем по-другому.

– Человеку надо больше думать о себе, Карл, – сказал он.

На что Карл ответил:

– Нет, если он – не Иммануил Кант, Ульф.

И быстро добавил – потому что Карл всегда был немного застенчив:

– Не то чтобы я им был.

Эрик, сидевший у себя за столом, решил присоединиться к разговору:

– А он из какого отдела?

Карл мог бы засмеяться, но он этого не сделал; и Ульф тоже.

– Боюсь, он уже давно вышел в отставку, – ответил Карл. Нет никакого смысла, подумал он, объяснять про Канта Эрику, мир которого вращался вокруг рыбы, расписания паромов и прогноза погоды на островах.

Ульф задумался, откуда у Карла это его гипертрофированное чувство долга, и решил, что, должно быть, он перенял эту черту от своего отца, лютеранского теолога, завсегдатая телепередачи «Образ мыслей». Передача эта была посвящена злободневным вопросам морали, таким как вегетарианство, отношение к беженцам, защита окружающей среды, и тому подобной головной боли, способной превратить жизнь в этическое минное поле. У профессора Хольгерссона была неторопливая, вдумчивая манера говорить, прямо-таки созданная для формирования телеаддикции. Когда он участвовал в дебатах, оторваться было невозможно: хотелось бесконечно смотреть на него, слушать его звучную, размеренную речь. Он был довольно известен – даже среди тех, кто не особенно интересовался подобными вопросами, – а на радио даже появилась реклама, где некий актер, имитируя интонации профессора с искусством, свойственным некоторым представителям этой профессии, убеждал слушателей приобретать бренд мебели, поставлявшейся в разобранном виде.

Так что трудолюбию Карла, его надежности и методичности удивляться не приходилось. И его любви к чтению – в конце концов, он был сыном профессора. Проявлялась эта его черта в самые неожиданные моменты: когда они пили кофе в заведении напротив или в машине по дороге на место преступления, Карл вдруг сообщал Ульфу и Анне какой-нибудь удивительный факт, на который наткнулся, читая статью или книгу, рекомендованную ему отцом. Эти факты порой имели отношение к философии или даже к теологии, но круг чтения профессора был, по-видимому, гораздо шире, поскольку включал в себя книги и журналы по таким предметам, как, например, приматология, строительная инженерия и медицина. Работать со знатоком-самоучкой было бы не слишком приятно, но Карл никогда не нагонял скуку, и не раз бывало, что после какого-то его случайного замечания Ульф отправлялся в библиотеку, разобраться в том или ином смутном вопросе.

– Карл такой умный, – заметил как-то Эрик. – Почему он не стал каким-нибудь профессором вроде этого своего отца – а всего-навсего следователем?

– Он здесь потому, что верит в справедливость, – сказал Ульф. – И потому, что считает, что помогать людям – это правильно.

Эрик задумался:

– Что же он делает в свободное время?

Ульф ответил в том духе, что вряд ли у Карла вообще есть свободное время, учитывая недавнее прибавление в семействе и то, сколько он работает. И все же он явно находит время для чтения – этим, видно, он и занимается на досуге.

– Просто читает? – спросил Эрик. – Просто читает книги? И всякое такое?

– Да. Думаю, да.

Эрик в недоумении покачал головой:

– Надо бы спросить его, не хочет ли он как-нибудь поехать со мной порыбачить.

– Это можно, конечно, – ответил Ульф. – Но сомневаюсь, что у него найдется время.

Эрик пожал плечами:

– Если у тебя нет времени даже на рыбалку, тогда… Ну, какой тогда вообще во всем смысл?

Ульф решил, что продолжать дискуссию не стоит. Поэтому он просто сказал:

– Твоя правда, Эрик.

И на этом тема была закрыта.

То дело, о котором Ульф рассказывал доктору Свенссону в последний раз на консультации, началось с рядового рапорта из местного отделения полиции. У них вечно недоставало рук, и стоило случиться чему-то, что требовало серьезного разбирательства, дело направлялось прямиком в Отдел деликатных расследований. Дела эти могли бы передаваться обычным порядком в Следственное управление, но местные полицейские ценили хорошие отношения со следователями и старались не беспокоить их понапрасну. Тот факт, что дела часто передавались в спешке, означал, что не все случаи, достававшиеся отделу, были такими уж деликатными, но в общем и целом система работала. И только изредка им приходилось указывать, что исчезновение подростка или

кража ноутбука – не совсем то, ради чего был основан Отдел.

Рапорт, который лег к ним на стол однажды утром, был довольно лаконичным: «Удар ножом на рынке. Ранение несерьезное, но локация необычная. Свидетели отсутствуют, пострадавший ничего не видел. Просьба расследовать».

Ульф прочел рапорт Анне вслух.

– Необычная локация? Что бы это могло означать?

– Насколько я понимаю, странное место.

– Но что имеется в виду – «локация» в смысле «место преступления» или в смысле «место, куда был нанесен удар»?

Анна рассмеялась:

– Ну, это уж вряд ли. Скорее, первое. Наверняка дело было за кулисами балагана с марионетками либо под прилавком с пацифистской литературой. Ребята агитируют на рынке почти каждый день. Что-нибудь в этом роде.

Ульф вздохнул:

– Нам, наверное, придется заняться расспросами. В полиции сказали, что кто-то из их людей будет на месте и посвятит нас во все детали. Но не думаю, что мы особенно много узнаем – пишут, свидетелей нет.

Анна захлопнула ноутбук и потянулась за сумкой:

– Составлю-ка я тебе компанию. Все равно мне нужно купить брокколи. И деревенских яиц.

До рынка они добрались в старом «Саабе» Ульфа светло-серого цвета. Когда-то машина была серебряной – краса и гордость дядюшки Ульфа, который жил в Гётеборге, – но со временем краска потеряла блеск.

– Это все каттегатский воздух, – сказал ему тогда дядюшка. – Много соли. Плохо влияет на некоторые краски, а серебро, как мне кажется, особенно чувствительно к этому делу. Но в остальном, Ульф, она бегает как новенькая. Натуральная кожа. Все работает. Абсолютно все.

Зрение у дяди стало неважным, и водить, к его сожалению, он больше не мог.

– Мне доставит огромное удовольствие знать, Ульф, что ты за ней приглядываешь. И надеюсь, она будет радовать тебя так же, как радовала в свое время меня.

Так оно и случилось. Ульф обожал машину, и, бывало, когда у него в силу тех или иных причин случалось дурное настроение, он брал ее прокатиться – просто так, без особой цели, почувствовать под собой дорогу, упоительный запах старой кожи в салоне, звуки, которые издает идеально работающий механизм: тиканье часов на приборной панели, ровное мурлыканье мотора; сочный щелчок прекрасно смазанной коробки передач. После этих поездок он всегда чувствовал себя гораздо лучше, и иногда ему начинало казаться, что те деньги, которые уходили на консультации у доктора Свенссона, было бы лучше потратить на бензин для «Сааба»: эти бесцельные выезды явно оказывали на его психику самое благотворное воздействие.

Анна тоже полюбила поездки в «Саабе»; когда они ехали на рынок – это было совсем недалеко, – она откинулась на сиденье и закрыла глаза, поглаживая пальцами потрескавшуюся кожу обивки.

– Вот за что я люблю работать с тобой, Ульф, – сказала она мечтательно. – За возможность прокатиться на твоей машине.

Ульф улыбнулся:

– Не думал, что ты настолько мало ценишь мое общество, Анна.

Она открыла глаза.

– О, я совсем не это имела в виду, Ульф. – Она помолчала. – Как бы это сказать… Твоя машина – это все равно что кусочек старой Швеции.

– Этакое социал-демократическое чувство?

Анна рассмеялась:

– Что-то вроде того. Будто вернулась в те невинные времена. Кому бы этого не хотелось, правда?

Ульф ответил, что да, он полагает, что некоторым хотелось бы. Но их могут неправильно понять: ностальгия и консерватизм самого неприятного толка часто шли рука об руку.

После этого разговор зашел о чем-то другом. Анна рассказала Ульфу о ссоре в школе у ее дочерей. Одна вздорная мамаша обвинила учительницу в том, будто та прививает ее ребенку комплекс неполноценности.

– Но правда в том, что ребенок этот, мягко говоря, звезд с неба не хватает. Не хочется отзываться о ком-то плохо, но полноценностью там и не пахнет.

– Всем нам приходится притворяться, – ответил на это Ульф. – Постоянно притворяться, такие уж времена. Мы притворяемся, будто нам нравятся вещи, которые на самом деле нам вовсе не по душе. Изо всех сил стараемся никого не осуждать.

– Да, это так, наверное, – сказала Анна. – Думаю, учителям приходится притворяться, что каждый ребенок – это такой маленький гений.

– Да.

– Особенно в разговоре с родителями.

– Да, – согласился Ульф. – Особенно в этом случае.

– Может, оно и к лучшему, – задумчиво ответила Анна. – Может, если мы будем притворяться изо всех сил, то и в самом деле начнем думать так, как от нас того ожидают, и все будут счастливы.

– Нирвана, – сказал Ульф. – Мы сможем переименовать Швецию в Нирвану. Официально.

Они было заговорили на другую тему – о новом циркуляре, из-за которого все в последнее время были на взводе, – но тут оказалось, что они уже приехали. Анна вышла из машины помочь Ульфу припарковаться на переполненной стоянке возле рынка, а потом они вместе отправились на условленное место, где их ждал местный участковый, который, собственно, и начал это расследование.

Фамилия участкового была Блумквист, и Анне с Ульфом уже случалось с ним работать – в тот раз они расследовали дело о паленом виски, внезапно появившемся на рынке год или два назад. Блумквист тоже их помнил и весьма тепло их приветствовал, когда они вышли к условленному месту – на улочку, вдоль которой выстроились ларьки и прилавки.

– Помню, помню то дело насчет виски, – сказал он. – Ну и странный же был случай! – тут он присвистнул. – Но этот случай – тут вообще голову сломаешь.

Ульф пожал плечами:

– Ну, думаю, мы здесь именно поэтому.

Блумквист кивнул:

– О, знаю, вы, ребята, умеете решать такие задачки. Но тут, мне кажется, даже вам придется потрудиться.

Анна глянула на Ульфа.

– Посмотрим, – сказала она, принимая деловой вид. – Расскажите, что вам известно.

Блумквист указал на один из прилавков дальше по улице:

– Видите вон тот прилавок? Где мужчина показывает девушке шарф?

Ульф посмотрел туда, куда указывал Блумквист. Полный человек в кожаной куртке продавал шарф молодой женщине в джинсах и ярком красном топе.

– Они торгуют кашемиром, – сказала Анна. – Я их знаю.

– Это – брат пострадавшего, – сказал Блумквист. – Приглядывает тут за делами, пока брат в больнице. Можем подойти поговорить с ним, если хотите. Посмотрите, где это случилось.

– А долго он еще будет в больнице? – спросила Анна.

Блумквист небрежно махнул рукой:

– Думаю, всего день или два. Травма несерьезная, но в больно уж неудобном месте. Под коленом. Там, знаете ли, проходит столько жил…

– Жил? – прервала его Анна.

– Думаю, вы имеете в виду сухожилия, – сказал Ульф. – Под коленом проходят сухожилия. – Он помолчал. – И, кажется, в передней части колена они тоже есть. Ну, уж по бокам-то точно.

– Я в теннис играю, – сказал Блумквист. – Мне про это известно все. Стоит только подвернуть коленку – сразу во всем разберешься. – Он посмотрел на Ульфа. – Вы играете в теннис, господин Варг?

– Играл когда-то, – ответил Ульф. – Без особых успехов, но с удовольствием.

– Спорт и нужен для удовольствия, – сказал Блумквист. – А теннис тем и хорош, что приносит удовольствие, даже если ты не очень силен в игре.

– Если противник примерно такого же уровня, – осторожно согласился Ульф. – А если у него подача сильная, а у вас – так себе, то игра будет не слишком интересная.

– Твоя правда, – сказала Анна. – Но может, нам стоит подойти поговорить с ним? Как его, кстати, зовут?

– Оскар Густафссон, – ответил Блумквист. – А его брата, который пострадавший, зовут Мальте. Мальте Густафссон.

– Я тогда был здесь, – рассказывал Оскар. – Не видел, как это случилось, но я был здесь, помогал брату. Понимаете, это его прилавок, а я на железной дороге работаю. Ну и когда я не на смене, то прихожу сюда, помогаю Мальте.

Ульф огляделся; рынок выглядел не слишком оживленным, и не похоже было, что прилавком Густафссона, заваленным шарфами и свитерами, интересовалось много народу. Он протянул руку и потрогал шарф. Оскар был человеком плотным и коренастым, с короткими, подстриженными щеточкой волосами. Его внешность как-то не особенно ассоциировалась с кашемиром.

– Кашемир? – спросил Ульф.

Оскар на секунду замялся. Потом сказал:

– В общем и целом, да. Смотря что вы называете кашемиром.

Анна посмотрела прямо на него.

– Это, конечно, мое личное мнение, но когда я говорю «кашемир», то имею в виду кашемир.

Ульф деликатно кашлянул.

– Мы здесь не совсем за этим, – сказал он. – Расскажите нам о брате, господин Густафссон.

Оскар с явным облегчением сменил тему.

– Он торгует на рынке лет уже десять. Раньше, знаете, он был механиком – и очень неплохим. Занимался в основном мотоциклами. «Харлей-Дэвидсон». Потом решил, что с него хватит, потому что у него развилась экзема. Кожа стала реагировать на мыло. Как работать, если у тебя каждый день руки в машинном

масле, а мыла ты не переносишь.

Блумквист кивнул.

– Это точно, – согласился он. – Экзема – штука сложная. А кремы эти – от некоторых из них утоньшается кожа. С ними, знаете ли, нужно поосторожнее.

– Это только от самых сильных средств, – возразила Анна. – Если пользоваться более слабыми стероидами, то все нормально.

– У Мальте были с этим проблемы, – сказал Оскар. – Даже после того, как он перестал работать с мотоциклами. Теперь он пользуется только заменителем мыла, и все равно кожа местами сухая.

– Водный баланс организма, – ответила на это Анна. – Обязательно нужно следить за водным балансом, особенно когда холодно. Я так понимаю, если торгуешь на рынке, то постоянно приходится торчать на ветру.

– Ему нужно беречься, – сказал Блумквист. – Холод и ветер – так себе условия, если есть проблемы с сухостью кожи.

Ульф ковырнул ботинком тротуар.

– Так насчет Мальте – расскажите о нем немного побольше.

– Мальте, – начал Оскар, – человек исключительно мягкий.

Обычное дело для жертвы преступления, подумал Ульф.

– Он на пару лет старше меня, – продолжал Оскар. – Я всегда смотрел на него снизу вверх. Ну, знаете, как оно бывает у братьев: кажется, что твой старший брат может абсолютно все. Тебе хочется быть таким, как он, – так, наверное. У меня с Мальте, во всяком случае, было именно так, потому что он всегда прекрасно разбирался в технике. Я тоже старался, но у меня никогда особенно не получалось. Я и на железную-то дорогу пошел, надеясь подучиться на механика, да так и не попал на курсы. Моя работа – следить за состоянием путей. И здесь есть свои преимущества.

Ульф кивнул.

– Бывает, приходится идти на компромисс, – сказал он. – А потом вдруг оказывается, что компромисс этот нисколько не хуже того, чего мы хотели с самого начала.

– Что правда, то правда, – ответил Оскар. – И у Мальте было то же самое, как мне кажется. Ему пришлось заняться торговлей на рынке из-за проблем с кожей, но потом он вдруг понял, что ему это очень нравится. Никогда ни о чем не жалел.

Ульф ненадолго задумался:

– Вы говорите, Мальте чинил «Харлей-Дэвидсоны»? Он сам все еще ездит?

Оскар ответил, что у его брата имеется два «харлея», один 1965 года выпуска, а второй – собственноручно собранный Мальте из запчастей, которые ему удалось раздобыть.

– Тот, который он собрал сам, изо всякого хлама, он зовет «Дэвидсон-Харлей», потому что, говорит, там все шиворот-навыворот.

Анна фыркнула:

– Очень смешно.

Оскару явно понравилось, что шутку брата оценили по достоинству.

– До некоторых и не доходит, – сказал он. – По крайней мере, до некоторых байкеров.

– Да чего уж там, – сказал Ульф. – Юмор – странная штука. Но скажите: он состоит в местной байкерской группе? Клуб «Харлей-Дэвидсон» или что-нибудь в этом роде?

– Вы имеете в виду, в байкерской банде? – спросил Оскар. А потом, улыбаясь, пояснил, что Мальте действительно принадлежит к байкерскому сообществу, но

не слишком типичному: десятеро из них уже на пенсии, и моложе пятидесяти из них только Мальте (он вообще самый младший) и еще один байкер. Самому Мальте еще только сорок восемь.

– Так, значит, это довольно мирные байкеры? – спросила Анна.

– Да, – ответил Оскар, – и ездят они тихо. Знаете, эти большие «харлеи» – все равно что кресла. Сидишь себе, откинувшись на спинку, и аккуратно огибаешь углы. И далеко эти ребята не ездят – предпочитают возвращаться домой пораньше.

– Назад к своим старухам, – улыбнулась Анна. – Так ведь они жен называют, да?

– Эти ребята называют своих жен «жены», – ответил Оскар. – Я же вам говорил – они очень респектабельны.

– Так вы думаете, что нападение никак не связано с байкерами? – спросил Ульф. Ему было, конечно, известно, что со свидетелями расследование не обсуждают, но вопрос вырвался у него сам собой.

Оскар только улыбнулся:

– С этими-то? Невозможно. Они просто котятки.

– Внешность бывает обманчива, – заметила Анна.

Оскар решительно потряс головой.

– Ничего подобного, – ответил он. – У Мальте с ними со всеми прекрасные отношения. Он всегда помогает им с мотоциклами, если дело можно уладить, не снимая перчаток – ну, перчатки для защиты кожи. Они все его обожают.

– Хорошо, – сказал Ульф. – Если это не ссора между байкерами, тогда – как вы думаете, что это может быть? Вряд ли можно получить удар ножом просто так, ни за что ни про что. Может, кто-то был на него за что-то зол?

Но Оскар был непоколебим.

– Послушайте, – сказал он. – Нет никого – то есть вообще никого – кто бы плохо относился к Мальте. Добряк, каких поискать. Он бы никогда…

– Может, недовольный покупатель? – прервала его Анна, обводя жестом прилавок. – Кто-то захотел вернуть товар, случилась ссора?

Оскар метнул на нее раздраженный взгляд.

– Мальте – честный человек, – сказал он. – Он никогда не жульничает. И цены у него тоже вполне справедливые.

Ульф задал вопрос о семейном положении Мальте. Женат ли он? И насколько счастливо?

– Мальте женился, когда ему было двадцать восемь, – ответил Оскар. – Они с Моной недавно отпраздновали двадцатую годовщину. Она работает воспитательницей в детском саду. Она не так давно прошла подготовку – всего десять лет назад, когда дети у них подросли. У ее семьи молочная ферма километрах в сорока от города. Делают свой фирменный сыр – довольно успешный бизнес.

– А Мона как-то в этом участвует?

Оскар вздохнул.

– Могла бы. Их в семье двое детей – она и ее брат. Ее старик все еще заправляет делом, а брат Моны, Эдвин, ему помогает – в последнее время все больше и больше. Моне тоже хотелось бы принимать участие, по крайней мере, в принятии решений – как ни крути, это же все-таки семейный бизнес, – но Эдвин, похоже, против. Старик ест у него из рук, и мнение Моны никого не интересует. Недавно они обзавелись новой доильной установкой – последнее слово техники, – так ей даже никто не потрудился сообщить. Хотя вообще-то она такой же равноправный партнер, как и ее брат – ну и старик, конечно.

– А что Мальте об этом думает? – спросил Ульф.

– Он был в ярости. Сказал Моне, что ей нельзя тушеваться перед братом.

Ульф с Анной переглянулись.

– Так, значит, у Мальте с шурином отношения так себе, – сказал Ульф.

– Ну да, так оно и есть. Но Мальте не виноват. Он пошел к семейному адвокату. Подал жалобу, что если этот их бизнес – настоящая компания, а так оно и есть, то и дела пускай ведутся как следует: заседания пайщиков, и чтобы решения заносились в протокол, ну и все такое прочее. Уж поверьте, Эдвину это совсем не понравилось. Он даже пригрозил Мальте… – тут Оскар осекся. – То есть он сказал Мальте, что это он делает всю работу на ферме, и распоряжаться, значит, будет по-своему.

– Вы сказали, он ему пригрозил, – напомнила ему Анна. – Что именно он собирался сделать?

Оскар надулся.

– Это точно не Эдвин. Его и поблизости-то не было, когда это случилось.

– Как вы можете это знать? – сказал Ульф. – На рынке бывает довольно людно.

Блумквист, который все это время молчал, вдруг заговорил:

– Во время происшествия здесь действительно было много народа. Я был на месте через десять минут, и здесь была настоящая толпа.

– Вы не забывайте, я тоже тут был, – парировал Оскар. – Если бы Эдвин околачивался поблизости, я бы его точно заметил. Но его тут не было. По одной очень простой причине.

Он замолчал; все ждали, что он скажет.

– Потому что он был в Канаде, – торжествующе закончил Оскар. – Какой-то их кузен из Виннипега устраивал свадьбу, их обоих пригласили, и Мону, и Эдвина. Мона не захотела ехать, но Эдвин с женой туда отправились. Они улетели в начале прошлой недели и вернулись только во вторник. Мне Мальте об этом

сказал. Он-то был не против поехать, но Мона сказала, что выносить Эдвина целую свадьбу она не сможет. В общем и целом, это она решает, что им делать.

Оскар показал им место, где все случилось. Позади прилавка был небольшой полотняный навес, нечто вроде импровизированного офиса. Здесь помещался письменный стол, складной стул наподобие тех, что берут с собою в поход, и поставленные друг на друга картонные коробки.

– Я пришел, когда услышал, что Мальте меня зовет, – пояснил Оскар. – Я в тот момент был занят с покупателем. Подумал, что он просто хочет мне что-то сказать, но, когда я вошел, сразу понял: что-то здесь не так. Мальте стоял вот здесь, весь согнувшись, и держался за колено. Ему явно было больно.

– А был здесь кто-нибудь, кроме него? – спросил Ульф.

Оскар покачал головой.

– Ни души. И Мальте сказал, что он никого не видел.

Ульф нахмурился.

– Может, кто-то все-таки был, но сбежал?

Оскар озадаченно посмотрел на него.

– Честно, не представляю, как это возможно.

Ульф спросил, нет ли у палатки другого выхода. Оскар ответил, что нет, но полотнища сзади немного разошлись:

– Ребенку, может, и удалось бы протиснуться в эту щель, но взрослому – вряд ли.

Ульф наклонился посмотреть. Раздвинув ткань, он увидел, что позади прилавков было что-то вроде проулка. Кто-то вполне мог здесь пройти, подумал он, несмотря на многочисленные препятствия: пустая канистра, брошенная кем-то

запаска, груда гнилых ящиков, перевернутых кверху дном.

Он обернулся к Оскару:

– А как именно стоял Мальте, когда вы вошли?

– Лицом ко мне, – ответил Оскар.

– То есть спиной к задней стенке?

– Мне кажется, да.

Ульф опять наклонился посмотреть на щель.

– Здесь на полотнище кровь, – негромко сказал он. – Поглядите-ка.

Блумквист наклонился у него над плечом, а Анна, нагнувшись, заглянула сбоку.

– Так вот как это случилось, – сказал Ульф. – Кто-то снаружи просунул руку – с ножом – и ткнул в первое, что попалось под руку. Прямо в ногу вашему брату.

– Так вот почему его никто не видел, – пробормотал Оскар.

– Полагаю, да, – ответил Ульф. – Анна, что ты думаешь?

– Звучит вполне правдоподобно, – ответила она. – Но эта твоя версия не дает нам ответа ни на какие вопросы. И потом, любая версия, в которой содержится слово «кто-то», никак не приближает нас к разгадке.

Ульф не мог с этим согласиться.

– Но она дает нам ответ на вопрос «Как?». Остаются только вопросы «Почему?» и «Кто?». Ответ на один вопрос из трех – это лучше, чем ничего.

– Едва ли, – бросила Анна в ответ.

После чего она отправилась за яйцами и брокколи, а Ульф с Блумквистом, который, похоже, решил тем временем присоединиться к расследованию, осмотрели проулок на задах, надеясь найти улики, которые могли бы хоть что-то прояснить. Они, конечно, не нашли ничего, кроме обломков городского существования, вынесенных на обочину жизни: пластиковых оберток из-под замороженных продуктов; выброшенной за ненадобностью пустой шариковой ручки; скомканной бумажки, оброненной каким-то забывчивым прохожим, – «картошка, витамины, кухонные полотенца, тальк»; билета на рок-концерт, который состоялся несколько месяцев назад, – известная датская группа, даже Ульфу доводилось о них слышать, хотя рок никогда ему особенно не нравился.

– Ничего интересного, – сказал Блумквист, когда они уже почти закончили, и добавил: – Люди такие неряхи, верно?

– Верно, – согласился Ульф. Он толкнул носком ботинка коробку, оставленную здесь кем-то из продавцов на милость природы. Из-под коробки выбежал потревоженный жук, решив, как видно, поискать себе другое убежище.

Глава 3

Поющее дерево

Когда они вернулись обратно на работу, заняться там было особенно нечем. Карл в их отсутствие усердно трудился и успел закончить рапорт, который они вообще-то должны были составить сообща. Им оставалось только подписаться, а после этого в распоряжении у Ульфа появилось то, что он называл «думательное время»: возможность спустить разум с цепи, хорошенько взвесить все детали, всплывшие во время расследования. Может, он что-то упустил? Может, здесь напрашивался вывод, который ему еще только предстояло сделать? Ульф давно заметил, что самые очевидные вещи становятся таковыми только с течением времени. Как это было легко – проявлять мудрость задним числом, заявляя, будто любой мог бы предвидеть то, что уже случилось; но Ульф старался не попадаться на эту удочку.

– Мы по большей части блуждаем во мраке, – сказал он как-то Анне. – Ты, я, Карл – трое бредущих на ощупь во тьме, ищущих выход из чащи.

– И все-таки у нас неплохой процент закрытых дел, – возразила она. – Это доказывает, что иногда свет все-таки разгоняет тьму.

– Мне кажется, это всего лишь совпадение, – сказал Ульф. – Иногда мы набредаем на истину. И думаем, будто мы ее нашли, но на деле это она находит нас.

– А есть ли разница? – спросила Анна. – Главное – результат, а не то, каким образом нам удалось его добиться. Как правило, это вопрос удачи.

Ульф задумался над ее словами. Роль удачи в людских делах всегда его завораживала. Насколько наши действия определяются факторами, не поддающимися нашему контролю: чужие прихоти; цепочки событий, начатые в полном неведении относительно того, куда они могут привести; случайные встречи, которые приводят к решениям, могущим полностью изменить нашу жизнь. Именно так Ульф познакомился со своей будущей женой Леттой: наткнулся на улице на старого приятеля, который пригласил его на вечеринку. А друга он встретил потому, что вернулся в магазин забрать покупку, забытую им на прилавке. Не прояви он забывчивость, он не вернулся бы в магазин, не встретил бы друга и не получил бы приглашения. А потом не пошел бы на вечеринку, где он встретил свою будущую жену. Брак их был спокойным и мирным, пока она не встретила того гипнотизера и его мир не перевернулся с ног на голову. Не забудь он на прилавке ту покупку, не узнал бы ни того счастья, которое его ожидало, ни той печали. Все было бы по-другому.

Но сейчас было не время думать об этом. Доктор Свенссон как-то посоветовал ему больше думать о тех вещах, которые он делает сейчас, в данный момент, чем о тех, которые уже сделаны. Совет был полезный – он это понимал, – хотя психолог всегда утверждал, будто не дает советов, а только помогает клиентам самим понять, что именно им следует делать. В этом-то и была проблема с доктором Свенссоном, подумал Ульф: он слишком часто отрицал свое участие, что было странно, учитывая, сколько он за это самое участие брал.

Так что Ульф сидел у себя за столом, решив посвятить свое «думательное время» размышлениям о странном нападении на Мальте Густафссона. У него было ощущение, будто он упустил какой-то довольно очевидный фактор, но не было ясно, имел ли этот фактор отношение к пострадавшему – или к обстоятельствам преступления. Ему еще только предстояло встретиться с

Мальте, но у него уже сложилось о нем определенное представление. К характеристике человека, полученной от его брата, следовало относиться с осторожностью – мы редко бываем полностью свободны от любви и ревности нашего детства, а это накладывает отпечаток на то, каким мы видим того или иного человека. Ульфу были известны случаи, когда вражда, начавшаяся в детском саду, заканчивалась в доме для престарелых. И все же ему казалось, что убежденность Оскара в доброте Мальте и всеобщей к нему любви, похоже, имела под собой основания. Во всяком случае, так ему подсказывала интуиция.

Он верил и в то, что Оскар рассказал насчет приятелей-мотоциклистов Мальте. Опыт подсказывал Ульфу, что в нападении на одного байкера почти всегда был виноват другой байкер, как правило, из соперничающей банды. Идентифицируя себя как байкера, человек проявляет мачизм, а мачизм провоцирует агрессию. Но когда байкер достигает определенного возраста, все немного меняется: одежка говорит об одном, но на уме – совсем другое. Байкеры средних лет, может, и не прочь разогнаться до двухсот километров в час, но на практике их вполне устраивает и сто. На косухах у них красуются черепа, но на деле это, скорее, их последний рентгеновский снимок, нежели символ угрозы. Очень может быть, что по крайней мере у части пожилых байкеров имеются проблемы с простатой, и потому их выезды длятся не особенно долго. И ни один байкер – вне зависимости от возраста – не станет искать ссоры с механиком, пускай и таким, который не переносит мыла и не может иметь дело с машинным маслом.

Нет, двигаться в этом направлении не было никакого смысла. И на семейном фронте тоже, похоже, было негусто. Жена Мальте, Мона, может, и была в плохих отношениях с братом, и этим стоило бы заняться, но во время происшествия брат был в Виннипеге, и это снимало с него всякие подозрения. Если, конечно, он не устроил так, чтобы на Мальте напал кто-то другой. Это мысль: если тебе нужно железное алиби, поезжай в Виннипег на свадьбу и подговори кого-то сделать дело в твое отсутствие.

Ульф подумал, что он, должно быть, поторопился насчет Эдвина. Фермеры – в особенности те, что занимались молочным производством, – казались людьми флегматичными, но когда речь заходила о земле – или, в данном случае, о доильных установках, – страсти могли разыграться нешуточные. Сельские распри из-за того, кто будет пахать какое поле или чья корова сбежала и потравила репу, славились накалом страстей. Если вдуматься, в Cavalleria Rusticana[1 - Cavalleria Rusticana (итал.) – «Сельская честь», опера Пьетро Масканьи, созданная в 1890 г. по новелле Дж. Верги «Сельская честь». (Прим.

перев. – здесь и далее.)] все как раз и вертится вокруг деревенских страстей и их драматических последствий. Подобные вещи близки не только итальянцам, хотя напиши «Каву» шведский композитор, его вряд ли бы приняли всерьез.

Но нет, что-то здесь все-таки не складывалось, а Ульф привык доверять своим инстинктам. Ни один фермер не станет подговаривать кого-то ударить своего шурина ножом под коленку. Такого просто не бывает.

На этом гипотезы у него закончились, и думать было больше не над чем и работать, естественно, тоже. Поэтому Ульф посмотрел на часы и решил, что пора бы уже идти домой, вывести Мартена, своего пса, на вечернюю прогулку, перед тем как дать ему ужин. Можно было заодно и подумать: вопрос «Кто?», похоже, пока себя исчерпал, но оставался еще вопрос «Почему?». Почему Мальте ударили именно под колено? Была ли это случайность, или удар нанесли так низко по какой-то особой причине? Низко… Ульф решил, что эта самая деталь и была ключом ко всему делу. Здесь скрывалось нечто важное; что-то, до чего он пока не додумался. Теперь он был в этом уверен и чувствовал, что сможет найти отгадку. Ему стало ясно, где искать: не по верхам, нет, а где-то внизу. На уровне колена.

Мартен приветствовал его с неистовым восторгом – как и всегда. Ульф где-то читал, что, когда хозяин собаки уходит, она испытывает полную уверенность, что больше никогда его не увидит. Собачья память исключительно долгая, когда дело касается запахов, гораздо слабее в отношении событий, и собака может забыть, что хозяин уже уходил – и всегда возвращался. Так что несчастное создание ежедневно, а то и несколько раз в день переживает агонию разлуки – как ему кажется, вечной. Но когда хозяин возвращается, радость собаки не знает предела – так, должно быть, радовалась Пенелопа возвращению Одиссея. Или, если уж на то пошло, собака героя, когда он вновь появился в Итаке, хотя бедняга Аргус был настолько стар, что, лежа на своей навозной куче, мог, наверное, только насторожить уши да постучать хвостом, как бы ему ни хотелось прыгать, лая от радости и даря хозяина слюнявыми собачьими поцелуями.

Это было непросто – держать собаку в квартире, особенно такого энергичного пса, как Мартен, в котором смешалась кровь пуделей и лабрадоров – активных пород, которым свойственна общительность и любовь к людскому обществу. Это вообще вряд ли было бы возможно, если бы не соседка Ульфа госпожа Хёгфорс, бывшая школьная учительница, которая теперь была на пенсии. Она была

только счастлива гулять с Мартеном по нескольку раз в день и приглядывать за ним, пока Ульфа не было дома. Мартен любил госпожу Хёгфорс, и она обожала его в ответ, позволяла ему валяться у себя на диване, постоянно подкармливала его всякими не слишком полезными для собачьей фигуры вкусностями и отказывалась слушать любые разговоры о его возможных недостатках. Так что, когда Мартен сжевал принадлежавшие Ульфу наушники, а потом прогрыз дыру в ковре госпожи Хёгфорс, эти «шалости», как она это называла, списывались на его похвальное желание помочь.

– И нельзя забывать, – добавляла она, – что Мартен – инвалид. Нам нужно делать на это скидку.

Инвалидность Мартена, о которой говорила госпожа Хёгфорс, заключалась в его глухоте. Проблемы со слухом у Мартена были еще со щенячьего возраста. Выяснилось это, когда Ульф как-то вывел совсем еще юного Мартена на прогулку в парк неподалеку от дома. Двое нахальных юнцов взрывали в парке петарды и бросили одну так, что та сдетонировала прямо за спиной у Мартена. Мартен, однако, продолжал трусить вперед как ни в чем не бывало. Ульфа это удивило, поскольку обычно собаки реагируют на петарды совершенно по-другому, и они нанесли визит ветеринару. Подозрения Ульфа подтвердились: Мартен не слышал вообще ничего, даже с помощью специального собачьего слухового аппарата, который ветеринар вставил ему в ухо.

– Здесь ничего особенно не поделаешь, – сказал ветеринар. – Вам придется присматривать за ним на дороге. Машин-то он не слышит, понимаете?

Опасность, конечно, была, но Ульф обнаружил, что наиболее серьезные последствия Мартеновой глухоты можно обойти, если помнить, что для собаки обоняние гораздо важнее слуха. Поэтому вместо того, чтобы звать Мартена обедать, он просто открывал банку с собачьим кормом и дул под крышку, чтобы запах побыстрее долетел до чувствительного носа его питомца. А когда наступало время идти гулять, он тряс в воздухе поводком, и Мартен, почувствовав запах кожи, радостно бросался к двери. Работало все это неплохо, но потом замечание того же самого ветеринара навело его на мысль о новом подходе к физическому недостатку Мартена.

– Какая жалость, – обронил ветеринар, – что никто пока не додумался научить собаку читать по губам.

– Никто этого не пробовал? – решил убедиться Ульф.

Ветеринар покачал головой.

– Я, по крайней мере, об этом не слыхал. Но я не понимаю, почему нет. Собаки вполне способны понимать сигналы – взять хотя бы овчарок, – и они прекрасно различают жесты «направо» и «налево». Собаки, знаете ли, совсем не дураки. – Доктор немного помолчал. – Впрочем, нет. Некоторые собаки бывают удивительно глупы, Ульф. Но Мартин уж точно не дурак; гены пуделя этого не допустят. Я за двадцать лет практики не встречал ни одного глупого пуделя. Ни одного. Глупых спаниелей – сколько угодно. Глупых терьеров – бывало, да. Но глупых пуделей – ни одного. Их просто не существует.

Ульф тогда ничего не сказал, но это замечание, отпущенное просто так, мимоходом, заставило его задуматься. Где это сказано, что собаки не могут читать по губам? Они вполне способны понимать речь – в определенных пределах, конечно. Собаки распознают отдельные слова: «гулять», «печенька», «плохой», «сидеть» – и так далее, хотя грамматику воспринимают несколько солиптически. Все глаголы, по собачьему разумению, подчиняются местоимению, а местоимение это обозначает их самих. Так что глагол «сидеть» всегда будет значить «мне сидеть». То же правило распространяется на прилагательные и существительные: «плохой» значит «я плохой», а «печеньки» – «мне печеньки». А если собаки могут понимать слова, пускай и таким несовершенным, до крайности субъективным образом, то, конечно, они способны понимать и соответствующие знаки – жест или движение губ, сопровождающее слово?

Ульф решил проверить эту теорию. Начал он с простой команды, которую способна понять и выполнить практически любая собака, – «сидеть»: он встал перед Мартеном, сказал: «Сидеть», – четко обозначая губами каждый звук, а потом решительно надавил ему на крестец, вынуждая сесть.

Мартен воззрился на хозяина в молчаливом недоумении. Многие собаки проводят немалую часть своей жизни в этом неопределенном состоянии, пытаясь понять человеческий мир, с которым они чувствуют сильнейшую, освященную древним договором связь, но в котором они не видят ни малейшего смысла. Примерно это сейчас и чувствовал Мартен: почему Ульф, перед которым он преклонялся, кого почитал за земное божество, вдруг захотел, чтобы он, Мартен, сел, когда в этом не было никакой необходимости? Но вопрос этот был

слишком сложным для собачьего разумения, и потому Мартен просто сел. А со временем он уяснил связь между движениями хозяйских губ и необходимостью сесть, став первой в шведской истории собакой, способной читать по губам.

Вернувшись домой, Ульф вывел Мартена ненадолго прогуляться, а потом покормил его. После этого, когда Мартен заснул под столом в своей корзинке, Ульф наконец уселся с журналом, на который он был подписан: чтение, которое он старался растянуть на подольше, как некоторые растягивают коробку конфет. Журнал приносили вместе с почтой в третий четверг каждого месяца, и при определенном усилии воли номер можно было растянуть на десять дней, читая страниц по восемь – приблизительно по одной статье – в день. После этого журнал отправлялся на особую полку в гостиной, где все номера были расставлены по порядку, так, чтобы они всегда были под рукой, если захочется заново проверить какой-нибудь факт.

Журнал назывался «Северное искусство»: популярное издание, посвященное в основном скандинавскому искусству и время от времени публиковавшее статьи про другие северные страны: Канаду, Россию, Исландию и Шотландию. Ульф, конечно, читал и эти статьи, но без того жгучего интереса, который вызывали в нем материалы по скандинавскому искусству двадцатого века. Это был его конек, его страсть – конечно, была еще философия, но философов он читал реже и с куда меньшим увлечением.

В тот вечер он предвкушал чтение с особенным нетерпением. Его ждала пространная статья в «Северном искусстве», написанная маститым критиком, о картине, которую Ульфу случилось видеть во время его прошлогоднего визита в Норрчёпинг. Варги – род его отца – происходили из Эстергётланда, и до сих пор Ульфу приходилось иногда туда ездить на семейные торжества – свадьбы, крестины, похороны – его многочисленных родственников. В тот последний приезд, по случаю семидесятипятилетия тетушки Ульфа, ему удалось урвать немного времени, чтобы посетить художественный музей Норрчёпинга. Он и сам не заметил, сколько времени простоял перед Det sjungande tr?det, «Поющим деревом», масштабным полотном кисти Исаака Грюневальда. В этой картине, написанной, как было указано на небольшой табличке, в 1915 году, было что-то от манеры Шагала: краски, текучие линии, мечтательное, сказочное настроение. Всю центральную часть полотна занимало дерево в осеннем убранстве – здесь преобладали оттенки красного. Позади дерева, в парке, виднелась битком набитая детишками карусель, за которой наблюдали – судя по одежде – два моряка. Дальше, на заднем плане – но все еще в пределах парка, – виднелся

полосатый тент, под которым толпился народ: кто-то ел, кто-то разговаривал, кто-то просто слонялся без дела. Теперь эта самая картина стала предметом внимания ученого-искусствоведа, и статью открывала переливавшаяся яркими красками цветная репродукция. Ульф приступил к чтению: это полотно, писал критик, о том, как природа (которую символизирует дерево) становится частью урбанистической среды, в которой мы живем. Дерево, несмотря ни на что, празднует свою «древесность», поет свою песнь – так природа поступает повсюду, как бы мы ее ни притесняли. Птицы поют, как встарь, посреди шумного города, невзирая на какофонию чуждых природе звуков. Сухая листва шуршит по асфальту или брусчатке, будто по земле. Из щелки в асфальте вылезает крошечное, идеально сформированное насекомое: существо, состоящее из кривых и изгибов – среди линейного мира, созданного человеком.

Взгляд Ульфа блуждал между репродукцией и текстом. На переднем плане помещались две фигурки, явно более важные, чем остальные: женщина и ребенок, которого она держала за руку. Ребенок – мальчик в полосатой рубашке – был вполовину ниже женщины. Он тянул ее за руку куда-то в правый угол картины; она же, прикрываясь парасолькой, явно намеревалась остаться там, где была. Женщина будто желала помочь художнику, стоя неподвижно, а мальчик спешил оказаться где-то еще. Совсем небольшая деталь, но Ульфа она заинтересовала, потому что раньше он ее не замечал. Прежде эти фигурки казались ему случайными, ничего не говорящими о самом дереве. Но теперь ему пришло в голову, что ребенок и дерево были похожи. У дерева была своя песнь – и у ребенка тоже. Взрослая женщина олицетворяла собой мир, ставший для дерева тюрьмой, ловушкой, вырвавшей дерево из леса, из лона природы и переместившей его в чуждый ему город. Ребенок же будет вырван из мира детства – мира, где деревья способны петь, – и помещен в серьезный, лишенный песен мир взрослых.

Но потом Ульф вдруг подумал: а может, это не ребенок, а взрослый, просто небольшого роста? Что, если эти две фигуры представляли собой женщину, которая живет с карликом: мужем или любовником, гораздо ниже ее ростом – в два раза ниже нее самой? Вполне возможно. Высоким людям нравятся маленькие, а порой разница в росте может быть очень велика. Он опять взглянул на картину и сказал себе, что это его объяснение явно было надуманным: маленькая фигурка совершенно очевидно была ребенком. А потом Ульф замер. Встал, уронив «Северное искусство» на пол. Мартен под кухонным столом приоткрыл один глаз – не потому, что услышал, как журнал падает на пол, – он не мог, – но потому, что пес все это время вполглаза наблюдал за хозяином, чтобы не пропустить ни малейшего намека на появление слов

«гулять» или «печеньки» у него на губах.

Ульф взял телефон и набрал номер Анны. Она в это время готовила дома ужин – варила на пар? купленную на рынке брокколи, которую собиралась подать мужу с картошкой и треской: девочки поели пораньше, чтобы успеть на тренировку в секции по плаванию. Она уже привыкла к звонкам по работе в любое время суток, и просьба Ульфа дать ему номер Блумквиста совсем ее не удивила. Номер она разузнала еще во время их визита на рынок и теперь сообщила его Ульфу.

– Он будет рад твоему звонку, – сказала она, одной рукой прижимая телефон к уху, а другой приподнимая крышку с пароварки. – Он очень хотел поучаствовать в расследовании.

– Может, он и сумеет нам помочь, – сказал Ульф. – Не буду больше тебя отвлекать, но кто знает – может, завтра мне найдется что тебе рассказать.

Анне стало любопытно:

– Подозреваемый?

– Может быть. Посмотрим. Пока это только предположение.

Анна сказала, что тоже думала о деле.

– К ферме это не имеет отношения, – заметила она. – Это точно не они.

– Да, – согласился Ульф. – Думаю, с ними все чисто.

– Так что остаются байкеры. Мне кажется, здесь есть все признаки состояния аффекта. Ударить человека ножом под коленку можно, только если ты очень на что-то зол. Тебе не хочется убивать свою жертву – только заставить ее испытать боль. Этим ты как бы говоришь: «Ты причинил мне боль, и теперь я причиняю боль тебе в ответ».

Ульф замялся. Башни мобильной связи пересылали друг другу повисшее между ними молчание. Тишина. Потом он сказал:

– Возможно.

Они закончили разговор, и Ульф позвонил Блумквисту.

– Блумквист, – сказал он. – Ты, случайно, не видел в тот день на рынке людей маленького роста? Не просто низких, а очень низких?

Блумквист закашлялся.

– Прошу прощения, – сказал он. – Горло. Вот уже две недели так кашляю. Никак не пройдет. Пью этот сироп с кодеином, от него еще все время в сон клонит. Не нравится мне эта штука – да не так уж оно и помогает.

– Терпеть не могу, когда в горле першит, – ответил Ульф.

– Сухой кашель, – продолжал Блумквист. – Хуже него ничего нет. Нравится мне это выражение – «продуктивный кашель». Когда отходит мокрота. Это гораздо лучше, если хотите знать мое мнение. Когда много мокроты.

– Да, это ценно, – сказал Ульф. Он подождал немного, чтобы убедиться, что Блумквист закончил. Продуктивный телефонный разговор, подумал он. Когда много фактов.

– Да, – сказал наконец Блумквист. – Был там кое-кто.

– Ты его знаешь?

Ульф ждал. От этого ответа, подумал он, зависит судьба расследования.

– Да, – проговорил Блумквист.

Анна в изумлении посмотрела на Ульфа.

– Танцевальная студия? – переспросила она. – Я не ослышалась? Танцы?

Они встретились – чисто случайно – в кафе напротив их конторы. Ульф, как правило, выбирался туда поздним утром, но Анна была постоянным участником «утренней кофеиновой вахты», как она это называла. Ей нравилось взять себе кружку побольше и несколько минут сидеть, неспешно потягивая кофе и проглядывая сегодняшние заголовки, прежде чем подняться в контору. В это конкретное утро Ульф удивил ее своим появлением, а еще больше – предложением нанести попозже, днем, один визит.

– Поговорил вчера вечером с Блумквистом, – сказал он. – Он все распространялся насчет своего кашля. Ну, ты знаешь, какой он бывает.

– Я его практически не знаю, – ответила она. – Помню его по тому делу с виски, но ты с ним тогда больше общался. – Она отпила еще глоток исходящего паром кофе. – Говоришь, у него кашель?

– Да, – ответил Ульф. – Говорит, уже две недели.

– Это не так уж и долго.

– Да. Я бы сказал, двухнедельный кашель и упоминать не стоит.

Анна отпила еще глоток.

– Одна моя знакомая кашляла четыре месяца подряд. Она сказала, доктор прописал ей такой ингалятор со стероидами. Чтобы снять раздражение дыхательных путей.

Ульф кивнул:

– Но вряд ли кому захочется употреблять много стероидов.

– Да, – сказала Анна. – Но если никак не можешь прекратить кашлять, что тебе остается?

Ульф решил затронуть спортивную тему:

– А если ты, скажем, велосипедист и не можешь обойтись без такого вот ингалятора, то у тебя наверняка будут проблемы с антидопинговым комитетом? Как у того американца? Как бишь его там? Он еще выиграл Тур-де-Франс, а его лишили титула?

Анна помнила эту историю, но очень смутно.

– Думаю, нужно будет поговорить с девочками насчет допинга. Если они начнут участвовать в серьезных соревнованиях по плаванию. Им тогда надо будет следить за тем, что они принимают – ну, от кашля и всего такого, конечно. – Она немного помолчала. – Две недели – это пустяки. Иногда инфекция может держаться годами.

Ульф кивнул.

– Я как-то порезал палец о раковину, – сказал он. – Чищу себе устрицы…

– Обожаю устриц, – вставила Анна.

– А ты ешь их сырыми?

Анна ответила, что ей безразлично, сырые они или нет.

– В общем, я порезал палец о раковину. Знаешь, как трудно выковыривать устриц из этих их раковин? Ну, я был очень осторожен и все равно умудрился порезаться. Пустяковая царапина, но она никак не заживала. Началось заражение, и они перепробовали несколько антибиотиков, пока дело не пошло на лад. Мне кажется, они даже занервничали.

– Врачи?

– Да. Прямо-таки перепугались. Сказали, у них в распоряжении не так много антибиотиков – резистентность и все такое – и когда очередной не срабатывает, это всегда такой неприятный момент.

Анна вздохнула:

– Мы чересчур полагаемся на антибиотики, верно? Считаем их чем-то само собой разумеющимся, а между тем они – последняя линия обороны. Знаешь, Джо очень переживает на этот счет.

Джо был ее муж-анестезиолог, человек тихий и кроткий, имевший почему-то постоянно подавленный вид – как это похоже на него, переживать насчет антибиотиков, подумал Ульф.

Потом Анна спросила:

– Так, значит, Блумквист сказал тебе что-то ценное?

Ульф рассказал ей об их с Блумквистом разговоре и как он ответил на вопрос о людях маленького роста, виденных им на рынке.

– Понимаешь, мне пришло в голову, что человек, который ударил Мальте ножом, был очень низкорослым.

– Из-за того, что щель в стенке палатки была такой узкой?

– Да, но еще из-за места, куда был нанесен удар.

Ульф замолчал. Он немного волновался, как Анна это воспримет.

– Очень низко?

– Именно. Если у тебя маленький – очень маленький – рост и ты бьешь кого-то ножом, то вполне логично, что удар придется на нижнюю часть тела, верно?

Ульф наблюдал за тем, как Анна переваривает эту информацию. Он ценил в людях ум, а Анна была исключительно умной женщиной. Но, каким бы важным ни было для него ее мнение, Ульфа тревожило, что она может отнестись к его идее прохладно. Что, если она сейчас рассмеется ему прямо в лицо? Что, если она сейчас скажет, что это абсурд, что связывать место удара и рост преступника – просто наивно?

Но она не рассмеялась. Вместо этого она с серьезным видом кивнула.

– Это возможно, – сказала она. – Вполне возможно, как мне кажется.

Ульф не мог скрыть облегчения.

– Блумквист ответил, практически не задумываясь, – сказал он. – «О, там, конечно, был Хампус. Я его точно видел. Он работает совсем неподалеку и часто бывает на рынке».

Анна поставила картонный стаканчик на стол.

– Очень горячо, – заметила она. – Что-то они стали делать стаканчики слишком тонкими.

– Или кофе – слишком горячим, – ответил Ульф.

– Тоже вариант. Но кто такой Хампус?

Ульф улыбнулся:

– Это-то и есть самое интересное. Видишь ли, Хампус – владелец танцевальной студии – ну, такое место, куда люди ходят, чтобы научиться танцевать вальс.

– И ча-ча-ча? И квикстеп?

– Ну да, все эти штучки, – отозвался Ульф. Танцевать он не любил.

– Я раньше ходила заниматься в такие места, – сказала Анна. – Когда мне было семнадцать. Думала стать профессиональной танцовщицей. Ну, знаешь, которые носят платья с пайетками и кружатся, так чтобы юбка развевалась.

– Все мы о чем-нибудь да мечтаем, – ответил Ульф. – И как это тебя угораздило стать следователем?

– Эта профессия куда лучше, – сказала Анна. – У этих танцоров жизнь так себе, вот что я думаю. Постоянные тренировки. И за весом приходится следить, чтобы твоя филейная часть не выглядела больше, чем нужно, не выходила за рамки.

Ульф опустил взгляд.

Анна не сводила с него глаз.

– Ты только что о Саге подумал, – сказала она. – Ладно тебе, не отпирайся.

Он поднял глаза и улыбнулся:

– Наверное, да.

Сагой звали их коллегу, занимавшуюся финансовыми преступлениями. У нее были проблемы с распределением веса.

– Не понимаю, как она в кресло влезает, – сказала Анна. – Но, наверное, я не должна думать о подобного рода вещах. Это ведь не принято, да? Мы обязаны игнорировать чужие задницы.

Ульф пожал плечами. Как можно игнорировать нечто настолько фундаментальное?

– Этот Хампус, – сказал он, – очень маленького роста, как сказал мне Блумквист. Он – лилипут.

Анна подняла бровь:

– Лилипут? Так разве можно говорить?

Ульф ответил, что он не знает.

– Может, надежнее будет говорить «человек очень низкого роста». Не хотелось бы отзываться о ком-то уничижительно.

– Да, наверное, так будет лучше, – отозвалась Анна. – Попробуй только использовать в рапорте не то слово, тебе дадут по пальцам линейкой. Так, значит, он не карлик, да?

– Нет, насколько я понимаю, – ответил Ульф. – Спросил у Блумквиста, и тот сказал, что, как ему кажется, у карликов неправильные пропорции. В отличие от лилипутов – то есть, я хотел сказать, людей очень низкого роста. Они просто маленькие, но в остальном выглядят нормально.

Анна нахмурилась:

– Не знаю, можно ли тут употреблять слово «нормально». Может, лучше говорить «как человек в среднем». Никто не обидится, если ему сказать, что он не похож на среднего человека.

Они немного помолчали. Анна отпила еще глоток кофе; Ульф глядел в окно. Мимо шел человек в шляпе, надвинутой на глаза, с поднятым воротником. Когда он проходил мимо, то посмотрел в окно и их с Ульфом глаза встретились. Оба отвели взгляд.

– Должен сказать, – продолжил Ульф, – что я нахожу это немного странным. Подумать только, человек исключительно маленького роста – хозяин танцевальной студии. Блумквист говорит, он танцует с учениками. Трудно поверить.

– Чему тут удивляться, – ответила Анна. – Вполне естественно, что хозяин танцевальной студии – учитель танцев.

– Да, но ты только себе представь. Что, если ученица – человек нормального… то есть, я хотел сказать, среднего роста? Хампусу, должно быть, непросто танцевать с дамой, которая гораздо выше его самого? Как он, например, будет класть ей руку на плечи?

Анна покачала головой:

– Да, наверное, ему непросто приходится.

– Очень может быть, – согласился Ульф. – Но это, в общем-то, не наша проблема. Настоящий вопрос вот в чем: может ли этот Хампус быть тем самым человеком очень маленького роста, который ударил Мальте ножом под коленку? Я бы сказал, вопрос в этом.

– Я бы тоже так сказала, – согласилась Анна. Она посмотрела на часы. – Нам бы уже пора на работу; Карл, наверное, пришел уже пару часов назад и сидит там совсем один.

Ульф принялся собираться.

– Прошлым вечером видел по телевизору его отца.

Анна представила себе Ульфа, одного, у себя в квартире, как он смотрит передачу про моральные дилеммы.

– Он говорил про то, насколько это этично – критиковать чужой образ жизни.

Анна взяла со стола свой недопитый кофе.

– То есть?

– О, веганы, например, требуют от школ, чтобы те прекратили держать в классах животных. Ну, знаешь, там, морских свинок, хомячков и тому подобное. В школах, бывает, устраивают живые уголки.

– Да, – ответила Анна. – Когда девочки были помладше, у них в классе держали морскую свинку. Чепуха какая-то, можно подумать, дети собираются есть этих зверушек. Так где у этих веганов собака зарыта?

Ульф улыбнулся:

– Они говорят, что таким образом в детские умы внедряются скотоводческие идеи.

– Да неужели! – взорвалась Анна. – У них вообще есть чувство меры?

Ульф не ответил. Он думал о том, что кто-то наверняка осудит его, Ульфа, за то, что он держит у себя Мартена. А если так, то что он, предположительно, должен сделать с собакой? Отпустить на волю?

Но Анна пока не готова была закрыть тему живых уголков.

– Морскую свинку, которую девочки держали в классе, звали Уолтер. По выходным ребята по очереди брали Уолтера к себе домой. Но потом его сожрала чья-то собака.

Ульф присвистнул.

– Какое несчастье.

– Да. Но что сказал на этот счет отец Карла?

– Сказал, это зависит от конкретной ситуации, – ответил Ульф. – Этим своим фантастическим голосом. И все как один принялись кивать. Стоит только ему открыть рот, а все вокруг уже кивают. Это поразительно.

Они вышли из кафе и пересекли улицу, направляясь к передней двери их учреждения. Эрик как раз тоже только что пришел на работу; он кивнул им в знак приветствия. Ульф заметил у него под мышкой свернутый в трубочку журнал, уж наверняка посвященный рыбалке, с фотографиями спиннингов, поплавков и прочей рыболовной парафернали – всего того, что делало жизнь Эрика терпимой, того, что было его надеждой и опорой. Ульф подумал о профессоре Хольгерссоне: что бы тот сказал о подобном образе жизни. Или что бы сказал Кьеркегор, если уж на то пошло. Он подозревал, что они оба это одобрили бы: простая, непритязательная жизнь, лишенная претенциозности и притворства, – чего нельзя сказать о многих других, гораздо более утонченных и изысканных существованиях.

– Бедный Эрик, – пробурчала себе под нос Анна.

– Нет, – ответил Ульф. – Не бедный. Счастливый Эрик.

Анна посмотрела на него с сомнением:

– Но ведь он не думает ни о чем…

– …кроме рыбалки. Да, но делает ли это его несчастным? Напротив: Эрик абсолютно счастлив. Он не знает сомнений.

У Анны был задумчивый вид.

– Как ты считаешь, что Эрик думает о нас?

– Не имею ни малейшего представления, – ответил Ульф.

– Тобой он восхищается, – заметила Анна. – Он мне говорил, и не раз. Что ты добрый.

– Это очень великодушно с его стороны. Конечно, можно еще поспорить, кто из нас двоих – добрый. – Ульф помолчал. – К тебе он относится прекрасно, я это знаю.

Анна вспомнила, как Эрик однажды зимой пригласил ее к ним с женой порыбачить на льду. Ей пришлось срочно изобретать уважительную причину для отказа.

– Рыбалка на льду – невообразимо скучное дело, – заметил Ульф. – Сидишь над лункой и ждешь, когда у тебя клюнет.

– Знаю, – ответила Анна. – Бедный Эрик.

Ульф улыбнулся.

– Давай не будем снобами, – пошутил он.

Анна, однако, приняла его упрек всерьез.

– Прости. Ты прав. Эрику наша жалость не нужна.

Ульф заверил ее, что и не думал ее осуждать.

– Я вовсе не собирался указывать тебе, что о ком думать. Мне бы такое даже в голову не пришло.

Странный это был момент: он вдруг ощутил, будто переступил некую линию, некую интимную границу. И ему показалось, что Анна тоже это почувствовала: чуть покраснев, она отвернулась. Они как раз подошли к двери конторы; он потянулся было, чтобы притронуться к ней, но остановился и уронил руку, лишив движение всякого смысла.

Общее собрание отдела заняло все утро – казалось, оно не кончится никогда. Их непосредственный начальник, большой поклонник всяческой бюрократии, посвятил два часа детальному разъяснению новейших процедур. Где-то в недрах организации, на самых верхах, существовали умы, которые беспрерывно, страница за страницей, извергали циркуляры, инструкции и директивы относительно общей политики. В большинстве своем эти документы, подшив, благополучно забывали; очень немногие из этих бумажек оказывали хоть какое-то влияние на рабочий процесс. Но для новых циркуляров тоже существовала определенная процедура, и избежать ее не было никакой возможности. Ульф сидел на своем месте, глядя в потолок, в то время как добросовестный, как всегда, Карл лихорадочно строчил в записной книжке, конспектируя все, что говорило начальство. Докладчик, которому это пришлось по душе, время от времени делал паузы, чтобы Карл успевал за ходом его мысли, и иногда даже отпускал замечания вроде:

– Пожалуйста, господин Хольгерссон, скажите, если я говорю слишком быстро или если у вас будут какие-то вопросы.

Под конец заседания, когда Ульф, Анна и еще с десяток служащих уже поднялись на ноги, чтобы уходить, докладчик подошел к Карлу.

– Прошу прощения, – сказал он. – К вам наверняка постоянно обращаются с подобными просьбами. – Он достал из портфеля книгу и положил перед Карлом. – Последний труд вашего отца. Который о Кьеркегоре. Не могли бы вы попросить его подписать книгу для моей жены? Она его огромная поклонница.

Тут Ульф представил себе огромную поклонницу – неимоверно тучную женщину, не умещавшуюся в собственных одеяниях, – такую огромную, что ей, наверное,

трудно было даже ходить. А потом он подумал: Кьеркегор. И у него в голове немедленно вспыхнул образ доктора Свенссона с его очками в роговой оправе и наивным убеждением, что жизнь сотрудника Отдела деликатных поручений была каким-то образом увлекательнее, чем у психолога с наклонностями психоаналитика.

– Кьеркегор, – пробормотала себе под нос Анна.

Карл был сама любезность, как всегда, мгновенно преобразившись в сына гипнотически светского профессора.

– Конечно. Никаких проблем. Я увижу его в воскресенье и попрошу написать что-нибудь специально для вашей жены.

– Моя жена будет страшно рада, – сказал начальник. – Она не пропускает ни одной его передачи. Просто огромная его поклонница.

Ульф прикрыл глаза. И увидел профессора, преследуемого по пятам группой поклонниц, причем огромные еле поспевали за более стройными и легкими на ногу, задыхаясь от усилий.

Когда он открыл глаза, Анна смотрела на него, потихоньку улыбаясь. Ульфу пришло в голову, что, может быть, они думали об одном и том же. Маловероятно, конечно, но идея пришлась ему по душе: двоим людям, которые нравятся друг другу, одновременно приходит в голову одна и та же мысль.

«Школа танцев Йоханссона» располагалась на первом этаже дома неподалеку от рынка. Дом этот явно видал лучшие времена: штукатурку на фасаде не мешало бы освежить, и входная дверь, когда-то вполне приличная, сейчас имела обшарпанный вид. Все вместе производило впечатление эдакого поблекшего шика, что, как подумалось Ульфу, очень шло заведению, где занимались бальными танцами: огни, мишура – и уныние, скрывающееся под всем этим внешним блеском. Танец – это иллюзия, будто гравитация и чувство неловкости преодолимы, но, увы, иллюзия только временная. Огни погаснут, замолкнет музыка, и танцоры вновь замрут без движения.

Ульф нашел на парковке местечко для «Сааба», а потом они с Анной позвонили в дверь школы. «Пожалуйста, нажмите кнопку звонка и подождите», – гласила надпись рядом со звонком.

Открыла им женщина в трико.

– На месте ли господин Йоханссон? – спросил Ульф, демонстрируя удостоверение. Анна тоже предъявила свое. Женщина взглянула на документы и нахмурилась. Жестом она пригласила их войти и все так же, без единого слова, повела их по коридору, где на стенах висели фотографии танцоров в бальных туалетах.

– Это все ваши выпускники? – спросил у нее Ульф.

Женщина молча кивнула. Когда они дошли до конца коридора, она указала на дверь с большим застекленным окошком.

– Вот студия, – отрывисто бросила она и удалилась, исчезнув за другой, никак не отмеченной дверью.

Они подошли к двери и заглянули в окошко. Изнутри доносилась музыка: кто-то играл на фортепьяно.

Оба они оказались совершенно не готовы к открывшемуся перед ними зрелищу, и Ульф еле удержался, чтобы не рассмеяться вслух. Анна тихонько ахнула от изумления. В самом центре зала тренер крайне маленького роста вел в танце исключительно высокую партнершу, держа ее за руки, причем казалось, что она вот-вот подхватит его и поднимет в воздух, прижав к груди. Танцевали они, как мог догадываться Ульф, вальс, и музыка это подтверждала: «Голубой Дунай».

Ульф толкнул дверь, и пианист замер, прекратив играть. Тренер остановился и обернулся посмотреть, кто их прервал. Отпустив партнершу, он подошел туда, где стояли Ульф с Анной.

– Хампус Йоханссон? – осведомился Ульф.

Хампус, закинув голову, посмотрел на него. Потом перевел взгляд на Анну, потом – опять на Ульфа.

– Можете не говорить мне, кто вы.

Голос у него был высокий, певучий.

– Мы… – начала было Анна.

Хампус ее прервал:

– Я знаю, кто вы. И зачем вы сюда пришли.

Ульф внимательно изучал стоящего перед ним человека, который был чуть ли не в два раза ниже его ростом. На нем была влажная от пота футболка; еще Ульф заметил, что на обеих руках он носил кольца – всего четыре, и еще одно кольцо в ухе – маленькое, золотое, почти незаметное.

– Мальте Густафссон, – произнес Ульф.

Хампус опустил взгляд.

– Я не хотел причинить ему вреда, – сказал Хампус.

Ульф и Анна ждали, что он скажет.

– Понимаете, он надо мною смеялся.

Ульф недоуменно нахмурился:

– Смеялся над вами?

Хампус снова посмотрел на него, и Ульф заметил, что в глазах у него стоят слезы. Ему захотелось протянуть руку, чтобы утереть их, но он знал, что следователи такого не делают.

– Он встречается с Ингрид, – сказал Хампус. – Она здесь работает. Это она, должно быть, открыла вам дверь. Они с Мальте… близкие друзья. – Его голос дрогнул. – Любовники. Он пришел сюда и стал смотреть, как мы с Вайолет танцуем, и я заметил, как он ухмыляется. Он смеялся надо мной. И тогда я его возненавидел.

– Не нужно больше ничего говорить, – сказал Ульф. – Только не здесь. Вы можете сделать заявление в участке.

Хампус покачал головой. Теперь стало совсем заметно, что он плачет; Анна прикусила губу.

– Вам никогда не понять, – продолжал он. – Вы просто не знаете, что это такое – когда на тебя пялятся. Каждый день. Каждый божий день. Постоянно. Люди всегда пялятся на тех, кто как-то выделяется: рост, или уродство какое, или кожа другого цвета, или что там еще. Они пялятся. Но в моем случае они иногда еще и смеются, будто я – какая-то шутка. Этого нельзя не слышать. Они смеются.

Анна покачала головой.

– Мне так жаль, – сказала она.

– И мне было так нелегко, – продолжал Хампус. – Потому что Ингрид – мой друг, и я всегда надеялся, что однажды она меня полюбит, но она меня не любит. Не любит. Она любит этого человека с его поддельным кашемиром. Его, а не меня.

– Не говорите больше ничего, – сказал опять Ульф. – Вам нужно побеседовать с адвокатом.

Хампус помотал головой:

– Адвокату меня не спасти. Я совершил ужасную вещь. Теперь со мной покончено.

Он переступил с ноги на ногу, и Ульф заметил, что его бальные туфли из лакированной кожи, маленькие, точно детские ботиночки, оставили след на

посыпанном тальком полу. Тальк… совсем недавно он где-то натыкался на это слово. Но где?

– Знаете, может, это не так уж серьезно, как вам кажется, – услышал он вдруг свой голос.

Анна удивленно взглянула на него, но было ясно, что его слова пришлись ей по душе. В конце концов, какой в этом был смысл – служить машине правосудия, если нельзя было порой проявить милосердие?

– Мы можем предъявить вам обвинение в нанесении легких телесных, – продолжал Ульф. – Кроме того, можно внести в дело смягчающие обстоятельства – например, провокацию со стороны пострадавшего. Вас, без сомнения, спровоцировали. Знаете, это совсем не обязательно, чтобы дело кончилось тюрьмой. Я могу дать прокурору особые рекомендации. Он мой друг.

Друг этот был Ларс, который был готов для Ульфа на многое, хотя последнему и не было об этом известно.

Хампус пробормотал что-то себе под нос.

– Что вы сказали? – переспросила Анна.

– Я сказал: никогда такого больше не сделаю.

Она взглянула ему в лицо и поверила ему.

– Мне так жаль, – проговорила она. – Вы думаете, мы не понимаем, но на самом деле мы понимаем, правда.

– Она права, – добавил Ульф.

Хампус вытер щеку рукой:

– Я так понимаю, мне теперь нужно пойти с вами.

Ульф кивнул.

– Это займет какое-то время. Но я уверен: совсем скоро вы сможете вернуться домой.

– Хотя, может быть, и не сегодня, – добавила Анна.

Глава 4

Бим

Бим жила со своей матерью, Элвинией Сундстрём, которая занималась реставрацией гобеленов. Бим было двадцать лет, и она училась в университете Мальмё, где изучала социальную географию. Они с матерью занимали маленькую квартирку с балконом, где летом выращивали цветы и травы: розмарин, базилик, гвоздику. Муж Элвинии, Фредрик – отец Бим, – раньше был офицером шведского военно-морского флота, но теперь, по слухам, держал гостиницу на севере страны, вместе со своей второй женой, женщиной, которая, по мнению Элвинии, разрушила ей жизнь, уведя у нее мужа – и лишив Бим отца.

– Он был слабым человеком, – сказала она как-то подруге. – Как и все мужчины. Так что ее вины здесь, конечно же, больше. Она знала, что он женат, что у него маленький ребенок; все, что ей нужно было сделать, – сказать ему: «Нет, спасибо». И что, она это сделала? Нет.

– Может, женщины тоже бывают слабыми, – ответила ей подруга.

Но Элвинию было не так-то легко сбить с толку.

– Нет, не бывают, – заявила она. – Женщины – сильные.

Поначалу Бим сильно скучала по отцу и часто заговаривала о его возвращении.

– Папа ведь скоро приедет, правда? – спрашивала она у матери. – Его корабль уже возвращается, да?

Элвинии приходилось непросто. В первое время Фредрик еще старался поддерживать отношения с дочерью – писал ей, слал подарки, но повидать ее он приезжал нечасто, а потом, спустя год, и вовсе перестал. Элвиния пыталась объяснить дочери, что отец любит ее, но ему сложно видеться с ними столько, сколько ему хотелось бы.

– Он же моряк, понимаешь? – сказала она как-то дочери. – Моряки подолгу не бывают дома, это обычное дело. У них на кораблях есть каюты с кроватями и шкафами, где они хранят все свои вещи. Такая уж у моряков жизнь, дорогая. Вечно их нет дома. Мне кажется, он сейчас на Фаррерских островах – это очень далеко. Ничего не поделаешь.

– Но я же видела его из окна автобуса, – ответила Бим. – Помнишь? Всего неделю назад. Мы ехали в автобусе и вдруг увидели его – он шел по улице, в своей форме. Я стала стучать в окно, но он не услышал, да и вообще автобус ехал слишком быстро.

– Может, это был вовсе не он, – сказала Элвиния. – Люди часто бывают очень похожи друг на друга, дорогая. Это, наверное, был кто-то другой.

Тут она чуточку солгала; конечно, это был Фредрик, но эта женщина – разлучница с севера, соблазнительница – шла рядом с ним. Уж конечно, она была с ним. Это была ложь во спасение, призванная оградить ребенка от жестокой правды и взрослого эгоизма. Но у этой лжи, как это часто случается, были последствия. Говорить ребенку, будто то, что она видела собственными глазами, не существует, – значит напрашиваться на определенные последствия для ее психики. Но что Элвиния могла поделать? Хорошо людям рассуждать, что, мол, ребенку всегда надо говорить правду, что только так они смогут примириться с тем, что мир суров, – но, размышляла она, разве это делало детей счастливее? Или просто лишало их надежд и невинного взгляда на мир – лишало их самой сути детства? Хотела ли она, чтобы Бим росла, думая, что отец совсем ее не любит, что он намеренно бросил ее, – или пускай лучше верит, что только служебные обязанности мешают ему проявлять любовь и привязанность, которые он, без сомнений, чувствовал по отношению к семье? Для Элвинии ответ был очевиден: Бим следует уважать своего вечно отсутствующего отца, потому что уж лучше такой отец, чем вообще никакого. Так она считала, и ей казалось,

что она прочла – или она убедила себя, что прочла, – в каком-то журнале или где-то еще, что именно так и следует поступать в подобных обстоятельствах. Риск, конечно, был, и без последствий, верно, не обойтись. Но это ведь всем известно – как известно всем, что любые наши поступки обусловлены поступками других людей по отношению к нам. Сказанной нам ложью в той же мере, как и сказанной нам правдой.

По крайней мере, Фредрик всегда исправно платил алименты; здесь Элвинии не в чем было его упрекнуть. Но она не могла не понимать, что, когда Бим исполнится восемнадцать, соглашение, достигнутое во время развода, потеряет силу. И, чтобы обеспечить свое будущее – равно как и будущее Бим, – она решила найти себе надежную работу. Когда она вышла замуж за Фредрика – это случилось очень рано, – ей пришлось поставить крест на карьере психолога, о которой она мечтала. Теперь поступать в университет было уже поздно: ей надо было приглядывать за Бим, а позволить себе няню она не могла. Так что она стала искать подработку с возможностью обучения, лучше всего – связанную с рукоделием, потому что ее всегда тянуло к творчеству. И в конце концов она нашла маленькую реставрационную мастерскую, принадлежавшую ткачихе Ханне Хольм. Ханна со всем справлялась в одиночку – и с мастерской, и с родительскими обязанностями – и потому с пониманием отнеслась к положению Элвинии. Она с сочувствием выслушала ее историю, качая головой, когда Элвиния описывала особенно скандальные выходки Фредрика.

– Я-то думала, что офицеры флота – джентльмены.

– О, здесь все изменилось, – сказала Элвиния. – Единственный джентльмен в этой стране – это король.

Ханна кивнула, хотя полностью согласиться с этим утверждением она не могла, по крайней мере относительно количества джентльменов в Швеции. Человек, у которого она покупала рыбу, уж точно был джентльменом, и почтальон, который недавно вышел на пенсию, – тоже, пускай и нетрадиционного толка. Она подумала о короле.

– Бедняга, – сказала она вслух. – Нелегко ему, наверное, приходится.

Элвиния задумалась. Она вспомнила, что Карлу XVI Густаву было девять месяцев, когда самолет его отца разбился неподалеку от Копенгагена, и что ему

не рассказывали о смерти отца, пока королю не исполнилось семь лет. Пускай она и скрывала от Бим правду о Фредрике, королевская семья зашла гораздо дальше, хотя сестра короля всегда была против этого, во всеуслышание заявляя, что на вопросы ребенка нельзя отвечать молчанием. Элвинии стало стыдно; ей придется рассказать Бим правду: что ее отец вовсе не плавает по морям, что он здесь, в Мальмё, – это было еще до того, как он переехал на север, в свой так называемый отель со своей так называемой женой. Хотя на самом деле она была всего лишь любовницей, горько подумала она, и он мог бы навещать их, если бы ему этого захотелось.

– Что ж, – сказала Ханна. – Если вам это интересно, почему бы не попробовать поработать со мной пару месяцев, а потом вы уже сможете решить? Я готова дать вам очень гибкий график.

Элвиния согласилась и вскоре приступила к обучению. Работа давалась ей легко, и Ханна обрадовалась, когда Элвиния сообщила ей, что готова работать на нее постоянно.

– Я нашла то, что мне по-настоящему хочется делать, – сказала она Ханне. – Работать с пряжей и с шерстяной нитью, с тканями…

– И с любовью, – прервала ее Ханна. – Любовь в работе художника – это самое важное. Свою работу надо любить.

– Я ее люблю, – ответила Элвиния.

– Я это вижу, – сказала Ханна.

Вряд ли Элвиния смогла бы найти лучшего учителя. Ханна прошла общее обучение на реставратора в Музее шведской истории в Стокгольме. Но интересовали ее в основном ткани, и она стала специализироваться в этой области. Пройдя квалификацию, она приняла участие в работе над гобеленом Скога, созданным во времена позднего Средневековья; гобеленом, на котором были изображены три загадочные фигуры. Вокруг того, кем именно могут быть эти фигуры, было немало споров, и высказывалась догадка, что они – древние скандинавские боги: Один, Тор и Фрейр. Предположение насчет Одина основывалось на том факте, что у одной из фигур на гобелене был только один глаз: характерная для Одина черта, который, как известно, обменял глаз на дар

мудрости. Но эта теория была опровергнута, когда обнаружилось, что нитки, которыми был выткан второй глаз, попросту выпали. Теперь три фигуры считались Волхвами, но, опять-таки, было не совсем понятно, почему двое из них были явно вооружены, причем один – топором, а другой – мечом. Если, конечно, это был меч, а не крест…

Ханна как раз собиралась отойти от дел и была рада передать мастерскую и клиентов в ведение Элвинии. Работы было более чем достаточно, и следующие несколько лет Элвинии жилось относительно легко и спокойно. Они с Бим прекрасно ладили, и переходный возраст, общеизвестный период споров и ссор, обернулся для Элвинии временем спокойствия и гармонии. Когда для Бим настало время поступать в университет, она предпочла остаться с мамой, а не снимать жилье с другими студентами. Элвиния была рада, что дочь будет жить с ней, хотя втайне и надеялась, что Бим обзаведется собственными друзьями, а может быть, даже найдет себе молодого человека. Она беспокоилась, что передала дочери собственное подозрительное отношение к мужчинам и что Бим вообще никогда не захочет иметь с ними дела. Элвинии бы этого совсем не хотелось: она надеялась, что Бим найдет человека, который не бросит ее – как поступил с Бим отец, – а сделает ее счастливой.

Подруг оказалось найти не так уж сложно. К концу первого курса Бим стала частью девичьей компании, которая практически все делала сообща. Девушек, кроме Бим, было три: Линнеа Эк, Сигне Магнуссон и Матильда Форсберг. Изучали они литературу – английскую и шведскую – и геологию. У всех троих имелись молодые люди разной степени близости, а у Сигне аж целых двое, но не в силу какой-то ее врожденной порочности, а просто потому, что она не в силах была выбрать кого-то одного и любила обоих. Ей, кроме того, совершенно не хотелось ранить чьи-либо чувства, и потому она встречалась с обоими одновременно, стараясь только, чтобы они ненароком друг на друга не наткнулись и ни один не заподозрил, что внимание Сигне не принадлежит всецело ему одному.

– Никогда, пожалуйста, никогда никому об этом не рассказывай, – умоляла Сигне. – Последнее, чего я хочу – самое последнее, – это чтобы все думали, что я, ну… – Тут она помолчала, явно подыскивая подходящее слово. В конце концов она решилась: – Жадничаю. Не хочу, чтобы все думали, будто я жадничаю.

– Ну конечно, ничего ты не жадничаешь, – ответила Бим. – Ты просто великодушная. Или добродушная? Нет, кажется, правильнее говорить «добросердечная». Ну, в любом случае ты – и то, и другое, и третье.

Сигне была ей благодарна.

– Как это мило с твоей стороны, Бим. И знаешь, вообще-то встречаться с двоими – это довольно весело. Тебе и самой стоит попробовать.

Она, конечно, сказала это в шутку, но тут же пожалела об этом. У Бим и одного-то молодого человека не было, не говоря уже о двоих.

– Извини, – продолжила Сигне. – Это было бестактно с моей стороны. Уверена, рано или поздно ты тоже кого-нибудь себе найдешь.

Бим вздохнула.

– Хорошо бы, – ответила она. – Понимаешь, не то чтобы я не старалась.

Сигне с любопытством взглянула на подругу.

– Мне странно, что у тебя никого нет, – сказала она. – Ты очень симпатичная, Бим, правда. Почему же не нравишься ребятам?

Бим помрачнела, и Сигне тут же снова почувствовала себя виноватой.

– Я не то хотела сказать. Уверена, ты им нравишься. – А потом она добавила: – Может, просто не в этом смысле.

Бим отвела взгляд.

– Ну, если это так, то почему со мной никто никогда не хочет познакомиться? Никто.

– А ты оставляешь им свой телефон? – спросила Сигне.

– Я делаю все, что нужно делать, – сказала Бим. – Общаюсь в соцсетях. Попробовала даже сайт знакомств – но там вообще никто не отозвался, кроме каких-то придурков. Один так и вовсе в тюрьме сидит, а другой с электронным браслетом ходит. Такое ощущение, что нормальных парней просто не

существует – или они мне до сих пор не попадались.

– Ты только не сдавайся, – сказала Сигне, а потом перевела разговор на другую тему. У нее имелись догадки, почему ее подруга не пользуется успехом. Мужчины всегда чувствуют, когда девушка отчаянно ищет отношений, и это отпугивает их, как ничто другое. Она никогда не могла понять, почему это так, и, в конце концов, вывела для себя некую шаткую социобиологическую теорию, что отсутствие конкуренции – это сигнал для самца искать другую партнершу. Или, может, Бим просто была чересчур домашней, скучной девушкой, с этими ее травяными грядками на балконе и кухонными увлечениями? Все это не слишком ценилось самцами человеческого вида. Им нравились девушки, с которыми можно было пойти в клуб, такие, которые будут скорее курить… траву, чем ее выращивать.

Тот разговор с Сигне привел Бим в уныние. Теперь она все время выискивала в поведении подруг признаки жалости, а когда они вообще перестали упоминать свои отношения с противоположным полом, она истолковала это – и, как оказалось, правильно – как признак того, что они стараются не привлекать внимания к ее одиночеству.

Это все больше угнетало Бим, и однажды – это случилось в выходные – она поняла, что больше так не может. Она сама создаст себе парня – просто придумает, и всё. Будет рассказывать о нем подругам и перестанет наконец чувствовать себя неудачницей в общественном и эмоциональном плане. Понятное дело, что предъявить этого самого новоиспеченного молодого человека она не сможет, так что ей придется объяснить, что у Сикстена – она уже придумала для него имя – необычный график работы. Он будет работать на «Скорой», решила она. Будет спасать жизни – каждый день. Будет сильным. Будет водить «Скорую». Он будет самым красивым – без исключений – водителем «Скорой» в городе Мальмё. Такому мужчине будет не до общения с подругами своей девушки. У него будут в жизни и более важные дела.

Глава 5

Он уехал на Северный полюс

– Ты начала с кем-то встречаться! – воскликнула Сигне. – Вот уж не думала, что это тебе удастся.

И немедленно принялась извиняться:

– Прости, Бим. То есть я имела в виду: где ты его нашла?

Бим неопределенно помахала в воздухе рукой:

– О, мы столкнулись совершенно случайно и разговорились. Слово за слово…

Этого Сигне было недостаточно.

– Но где? Где ты встретила этого… Как, ты сказала, его зовут?

– Сикстен. Его зовут Сикстен.

Сигне кивнула.

– И?..

– Ну, так его зовут.

– Нет, глупышка, мне хочется знать: какой он? Он… Он хорошо целуется?

Бим улыбнулась:

– Я о таком не распространяюсь, Сигне. Я же не спрашиваю, насколько хорошо целуется твой… твои парни?

Сигне ее поняла.

– Хорошо, об этом спрашивать не буду. Но он симпатичный? – Отреагировать Бим не успела, потому что Сигне сама поспешила ответить на свой вопрос: – Готова поспорить, что да!

– Да, – подтвердила Бим. – Симпатичный.

– А фотография у тебя есть? – спросила Сигне.

Бим заколебалась.

– При себе – нет, – ответила она.

– Но ты найдешь и покажешь, да?

Бим опять замолчала, не зная, что на это сказать. Потом все-таки ответила:

– Хорошо, найду.

– Завтра?

Молчание Бим было истолковано как согласие. Заранее она об этом как-то не подумала; она вообще не подумала о возможных последствиях, которые повлечет за собой создание Сикстена. Она-то представляла себе, что Сикстен будет играть роль некоего фона и что подруги поймут: он слишком занят, чтобы встречаться с их компанией. И вдруг Сигне просит его фотографию – а она сама обещает ее раздобыть, да к тому же еще прямо на следующий день.

В тот день после ужина, когда они с матерью сидели на балконе – был чудесный, теплый вечер, – она приняла решение насчет фотографии. Все очень просто: она сделает селфи с молодым человеком – совершенно не важно, с каким, – а потом скажет, что это и есть Сикстен. Она отправится в центр и попросит какого-нибудь прохожего сделать с ним селфи – это, наверное, его позабавит, и он не будет возражать. Какой смысл отказываться? Она сказала матери, что собирается прогуляться – час-другой, не больше.

– Мне просто хочется выбраться из дому. Не важно куда, просто вечер такой хороший, и погода…

– Да не нужно тебе ничего объяснять, Бим, – прервала ее мать. – Беги, развейся.

До центра города она добралась на автобусе, а потом пешком – до Лилла Торг[2 - Lilla Torg («Маленькая площадь» (швед.) – площадь в Старом городе Мальмё, историческая достопримечательность и место встреч.]. В ресторанах и барах было полно народу, и на улицах тоже. Это было именно то, что ей нужно, и вскоре она заметила молодого человека, из которого получился бы идеальный Сикстен. Он был примерно ее возраста, высокий – и определенно симпатичный. Вообще-то она даже усомнилась, не слишком ли он симпатичный. Ей хотелось, чтобы ей поверили, а Сигне могла решить, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Но он сразу привлек ее внимание: открытое, пышущее здоровьем лицо – вообще-то как раз такие ей и нравились. Что же до его внешности – ей хотелось, чтобы они поверили, будто она сумела раздобыть себе молодого человека с лицом как у кинозвезды. Пусть знают, как жалеть ее или думать, будто она не может найти себе мужчину, уж тем более такого, который одним своим видом может вызвать пробку на дороге.

Молодой человек стоял со своими двумя приятелями рядом с баром: судя по всему, они поджидали кого-то еще. Один из них был весь в прыщах; другой, самый низкий из троих, был похож на херувима. Его лицо обрамляли светлые кудряшки, и вообще он напоминал четырнадцатилетнего мальчика из хора. Оба они не годились: это должен быть молодой человек, которого она сразу выбрала Сикстеном.

Она подошла к ним, держа в руке телефон, будто собиралась кому-то позвонить. Они заметили ее, и она, набрав в грудь побольше воздуха, шагнула вперед.

– Привет, вы мне не поможете?

Обращалась она при этом к Сикстену, и ответил ей тоже он:

– Да, конечно.

Бим обрадовалась, что он ответил ей по-шведски; по-английски она говорила неплохо, но предпочла бы иметь дело со шведским парнем. Ее воображаемый Сикстен уж точно был шведом.

– Мне нужно проверить телефон. Фотографии получаются какие-то размытые.

Молодой человек протянул руку:

– Давайте. Я эту модель не очень знаю, но можно посмотреть.

Она сделала еще шаг и встала рядом с ним.

– Попробуйте селфи, – сказала она.

Сикстен немного опешил, но после секундного колебания улыбнулся:

– Хорошо, значит, селфи. Вы и я. Ну-ка, придвиньтесь поближе.

Она придвинулась. Сработала вспышка, хотя она и сомневалась, что это так уж необходимо.

Она протянула руку, и он отдал ей телефон.

– Прекрасно, – сказала она. – Похоже, теперь всё работает.

Один из ребят, стоявших рядом – тот, что с прыщами, – отпустил в сторону какое-то замечание. Другой – мальчик из хора – что-то пробормотал в ответ. Их слов она не расслышала, да ей это было все равно: она уже получила то, что хотела.

На следующий день она показала селфи Сигне. Ее подруга, забрав у нее телефон, принялась разглядывать фотографию парня с Лилла Торг. Когда она, наконец повернулась к Бим, на лице у нее было выражение неприкрытого восхищения. И зависти.

– Как же мне не терпится поскорее с ним познакомиться, – сказала она.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Cavalleria Rusticana (итал.) – «Сельская честь», опера Пьетро Масканьи, созданная в 1890 г. по новелле Дж. Верги «Сельская честь». (Прим. перев. – здесь и далее.)

2

Lilla Torg («Маленькая площадь» (швед.) – площадь в Старом городе Мальмё, историческая достопримечательность и место встреч.

Купить: https://tellnovel.com/ru/makkoll-smit_aleksandr/otdel-delikatnyh-rassledovaniy

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить